

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

*Большое
кольцо*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Большое кольцо

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Большое кольцо / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

На шею «важняка» Александра Турецкого повесили сразу несколько дел, и все они, так или иначе, были связаны с дорожно-транспортными происшествиями на Московской кольцевой автодороге. Непонятно, зачем человеку, успешно расследующему заказные убийства важных персон, заниматься подобной мелочью?.. Но мнение и самого Турецкого, и его коллег в корне изменилось, когда они решили разобраться, каким образом, а главное, почему, вполне законопослушные водители стали довольно часто попадать в автомобильные аварии...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	26
Глава четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Незнанский

Большое кольцо

*День кольцом – ночь молодцом.
Русская пословица о разбойниках*

Глава первая

Похищение

1

Александр Борисович был разочарован.

Так теперь выражаются высшие государственные лица, когда где-нибудь, скажем, в другой стране что-то происходит не так, как им того хочется. И степень разочарования бывает разной – от «да ну вас всех к черту!» до «нет, ребята, этот номер у вас не пройдет!». Турецкий не являлся высшим лицом, однако погоны государственного советника юстиции третьего класса давали ему право высказывать свое разочарование именно в плане «да ну вас...», имея в виду всю так называемую третью власть вкуче. Кроме себя самого. Если же говорить конкретно, то он сейчас думал не о следователях «с земли» – вот вроде Васи, они куклы в руках обнаглевших до крайности кукловодов, – а о самих кукловодах, трактующих закон с точки зрения личной целесообразности. Имел в виду также и Васино начальство, обретающееся в здании на Пятницкой улице, в городской прокуратуре, где когда-то, кстати, начинал свой «боевой путь» и он, Турецкий, – практикантом под крылом «важняка» тогда Константина Дмитриевича Меркулова. А теперь думал о них обо всех с определенной долей не усталости, не равнодушия, а как о чем-то смертельно надоевшем, набившем оскомину, от которой давно уже сводит челюсти. Можно подумать, что он сам этого всего не знал! Еще как знал... а ну их всех!

А причина столь негативной реакции – или, может быть, правильнее ее повод? – устроилась как раз напротив, у приставного столика возле большого письменного стола, стоящего в кабинете начальника МУРа Вячеслава Ивановича Грязнова. Сам генерал-майор милиции грузно восседал перед этим обширным полированным полем без единой деловой бумажки и со скептическим выражением на лице выслушивал жалобы «важняка» из московской городской прокуратуры подполковника юстиции Васи Чижова – так между своими или Василия Ивановича – тезки известных полководцев начиная от Чапаева и кончая Чуйковым – при официальных встречах.

Суть жалоб расстроенного следователя заключалась в следующем. Не далее как три недели назад вездесущие «газетиры», как презрительно именовал журналистскую братию еще Наполеон Бонапарт, пронюхали о громкой сенсации – пропал бывший вице-премьер правительства, а ныне президент крупнейшей в стране акционерной компании «Стройэкспортлес» Михаил Михайлович Фрадкин. По данным журнала «Евробизнес», его состояние недавно оценивалось где-то в районе одного миллиарда евро. То есть в списке российских олигархов на сегодняшний день он занимает позицию между цифрами одиннадцать и четырнадцать. Нехило, короче.

Так вот он пропал. Исчез, словно растворился без следа в ванне с серной кислотой. Был – и нет! Событие, мягко говоря, неординарное. Вообще-то бизнесменов такого уровня у нас как-то в последние годы не трогали. Вероятно, в их высоком кругу всегда имеется возмож-

ность договориться. Это если взять народишко пониже, то тут киллерам, конечно, раздолье – от изысканных ядов до профессионально выполненных радиоуправляемых зарядов, не говоря об обилии всевозможного стрелкового оружия и противотанковых ракетных устройств. Ну что ж, чем, как говорится, богаты...

Но Фрадкина не повесили, не застрелили, не утопили и не закопали в зимнем лесу. Хотя некоторые предположения в этом плане робко и выдвигались – среди низовых сотрудников компании. Наверху же хранили озабоченное и многозначительное молчание. Более того, в течение почти трех недель похитители не извещали осиротевшую компанию о причинах столь дерзкого демарша против главного ее руководителя. Ни тебе подметных писем, ни телефонных звонков. Так, во всяком случае, утверждали высокопоставленные представители лесного концерна, которым первым и пришлось общаться со следствием.

Юная супруга лесного магната – для информации, это у него четвертый брак – не знала, что и думать. Муж подбирался к шестидесяти годам, она – к тридцати. А что, вполне юная пара, можно сказать. И соотношение возрастов модное...

При этом глаза подполковника Чижова загадочно сверкнули, а крупный нос задвигался, как хоботок тапира.

«С чего бы это? – усмехнулся про себя Турецкий. – Возможно, у олигарха возобладал древнейший из инстинктов, увековеченный известным парадоксом – седина в бороду, бес в ребро?.. Но Васька-то почему „лыбится“? Не улыбается, не хихикает, не иронизирует, а именно ехидно и сладострастно „лыбится“, как когда-то выражалась дворовая шпана. Ох, что-то тут не так!..»

Итак, магнат, олигарх – называй как угодно – словно испарился. Не зная, что и подумать, компания в лице синклита вице-президентов и совета директоров приняла важное для себя решение – выдать крупную награду тому, кто сможет оказать конкретную помощь в поиске пропавшего главы «Стройэкспортгеса». Можно сказать, даже очень крупную – один миллион долларов.

Уже сам факт указывал на то, что, во-первых, никто в этой компании, видимо, все-таки не верил в возможность гибели Фрадкина, а во-вторых, считали, что причина похищения лежит в финансовых проблемах тех, кто совершил акцию. Ну, значит, и черт с вами, нате жрите свой «лимон», но верните нам Михал Михальча!

Пока «озвучивалось» в прессе и на телевидении решение руководства компании, оперативно-следственная группа под руководством «важняка» Чижова, куда были также включены сыщики из МУРа, приняв к своему производству уголовное дело по статье 126 Уголовного кодекса Российской Федерации – «похищение человека», раскручивала немногочисленные версии исчезновения Фрадкина. И все они лежали в сфере либо служебных, либо семейных отношений президента.

«Важняк» Чижов, когда-то проходивший стажировку у Александра Борисовича, усвоил некоторые принципы своего учителя. И первый из них гласил: «Никакого почтения, тем паче – подобострастия перед сильными мира сего. Они твои фигуранты, а не ты – их». Он особенно пригодился, когда Василий потребовал представить следствию все без исключения важнейшие распоряжения президента за последнее время. Оказалось, что деятельность Фрадкина была полностью окутана плотным покрывалом «строжайшей коммерческой тайны» и оглашению не подлежала.

И тут вступал в действие следующий принцип: «Умей договариваться. Ставь фигуранта в такие условия, когда он сам вынужден прийти к выводу, что легче пожертвовать малым, нежели потерять, по выражению японцев, лицо. И все остальное – тоже».

А если и это не получалось, тогда следовал третий, наиболее действенный шаг. Принцип этого шага в свое время довольно доходчиво и точно сформулировал еще Никита Сергеевич Хрущев, и выражался он в трех словах – «показать кузькину мать». Как конкретно? Сделать

их жизнь отчасти невыносимой. Бесконечные вызовы в прокуратуру, допросы, очные ставки, выявление несовпадений либо противоречий в показаниях и так далее. Когда им всем становится уже некогда работать, а мысли заняты исключительно одним – как бы самим не запутаться во вранье, фигуранты быстро дозревают до понимания того, что с правдой оно как-то спокойнее.

Принципиально проходя проторенной дорогой Турецкого, «важняк» Чижов выяснил в конце концов, что примерно за неделю – десять дней до исчезновения президент концерна обратился в суд с официальной просьбой о возбуждении уголовного дела против своего давнего, между прочим, партнера – некоего Саломатина. Генеральный директор фирмы «Краснолесье», являвшейся финансовой «дочерью» «Стройэкспортлеса», передал суда-лесовозы компании в доверительное управление другой акционерной компании – «Беломорскому пароходству», в которой был председателем совета директоров. То есть, иными словами, передал движимое имущество в управление самому себе, полагая, видимо, что теперь сможет диктовать Фрадкину свои условия. А Михаил Михайлович такой дурак, что их с ходу примет...

Мог стать, например, судебный конфликт с бывшим партнером поводом к похищению? А почему нет! Убивали даже по менее значительным причинам. А тут гигантский концерн в одночасье лишился собственных кораблей! И молчи при этом? Фрадкин молчать не стал – и вот вам результат...

Но все эти «экономические» дела невероятно муторные. В Архангельск выехал следователь из отдела по борьбе с экономическими преступлениями, чтобы убедиться в степени законности, или же незаконности, сделки. А тем временем в Москве отрабатывались и другие версии. И одна из них напрямую касалась семейных проблем олигарха.

Суть заключалась в том, что от первого брака Фрадкин имел двоих сыновей, одному из которых было уже под тридцать, а второму – двадцать семь. И получалось так, что оба они были практически ровесниками четвертой по счету жене своего папаша. Эта супруга, которую звали Эмилия Леонидовна, не имела ничего против того, чтобы дети навещали своего отца. К «промежуточным» женам она была холодна и даже непочтительна, как, вероятно, всякая молодая хищница, которой удалось урвать от жизни такой жирный кусок. Ну а дети – это святое. Возможно, в глубине души Эмилия уже не очень рассчитывала на то, что и ей удастся родить ребенка, и потому была снисходительна к детям Михаила Михайловича. Она видела, что отец переживает за них, но помощь оказывает лишь самую необходимую, и не им, а их матери, первой своей жене. Папаша исповедовал известный принцип – каждый должен в своей жизни добиться успеха лично. С помощью собственных рук и мозгов. Точно так, как двадцать лет назад сделал это и он сам.

Он помог детям получить серьезное экономическое образование в Институте международных отношений. Он откупил их от армии. Он дал им ответственную и денежную работу в фирмах своего концерна. А уж теперь все остальное зависело только от них. Значит, не все, если они были чрезвычайно недовольны и даже озабочены прохладным отношением к ним родного отца. И всю вину за скардность родителя они охотно переносили на его супругу – молодую, да, видать, из ранних. Дошло однажды до того, что, наслушавшись их нелепых и перенасыщенных злыми эмоциями обвинений в адрес очередной супруги, которая, по мнению давно уже взрослых детей, определенно вбивает клин между ним и ими, Фрадкин сорвался и пригрозил вообще лишить их наследства. Скандал не вышел за пределы семьи, но отношения в ней стали совсем натянутыми. И в этих условиях исчезновение родителя вполне было бы на руку возмущенным несправедливостью детям.

Как, впрочем, и обозленной на них супруге олигарха, вообразившей себя единственной наследницей «заводов, газет», а главное – «пароходов...». Проверили и эту версию, к счастью, оказавшуюся бесперспективной в судебном отношении. Выяснилось, что на данный исторический момент оба младших Фрадкина – Сергей и Матвей – уже прочно занимали руководящие

должности на фирмах. Можно, конечно, гадать о чем угодно, о любых эмоциях, но именно здоровье и благоденствие «папы» были важнейшими условиями их дальнейшего служебного роста. Откуда возникли сомнения на этот счет? Ну во-первых, из разговоров, а точнее, сплетен, окружавших эту семью, в которой дети и их «мамочка», вполне возможно, когда-то играли в одной песочнице. А во-вторых, подобное предположение было как бы вскользь высказано и супругой бизнесмена, видимо, в последнее время не находившей общего языка с «детिशками». Но ни в коем случае не как утверждение, не дай бог, что вы! Просто, когда не знаешь, о чем и подумать, поневоле хватаешься за первое, что приходит в голову...

Потом, как показалось Чижову, который и беседовал с Эмилией, был момент, когда та хотела что-то добавить к уже сказанному ранее. Может быть, какие-то новые соображения, уточнения. Но почему-то так ничего и не сказала. Хотя, было заметно, некая тайна сильно ее мучила. Как ни старался Василий, она не раскололась, отделалась общими фразами о том, что замечала, как и за ней следили неизвестные. Нет, нет, конечно нет! При чем здесь Миша... или дети?.. А с другой стороны, разве нельзя исключить, что кому-то очень надо развести ее с мужем? Разные ведь у людей бывают интересы, правда? А когда уже вслух заговорили о каком-то там фантастическом наследстве... Нет, это несерьезно, просто к слову, когда не знаешь, что предпринять для спасения человека...

Проработали также версии, касавшиеся возможного участия в похищении президента чем-то обиженных его сотрудников, либо, как это нередко нынче случается, его охраны, подкупленной конкурентами, и так далее. Но расследование в этом направлении практически также ничего не дало. То ли все они умело вралы, то ли действительно были ни в чем не виноваты, но показания не расходились даже в деталях, за которые можно зацепиться.

Тут необходимо отметить, что само похищение разыграли как по нотам. У Фрадкина были два водителя, которые работали с ним не первый год. А накануне похищения – почему именно по этой статье и было возбуждено уголовное дело, сейчас станет понятно – старший водитель, Витя, отпросился в отпуск по семейным обстоятельствам. Его сменщик, Федор, не возражал против ежедневной работы в течение следующей недели, пока Виктор будет отсутствовать. Подобные ситуации случались и прежде, так что вопросы не возникали. А вот дальше начинались чудеса.

Пятнадцатого января, это была среда, Фрадкин с утра о чем-то долго говорил с неизвестным Эмилией абонентом по мобильному телефону. Муж явно сердился. Его громкий голос доносился из-за двери кабинета, куда супруга не решалась войти – Михаил был строг в этом смысле и служебные дела никогда не путал с семейными.

Потом он сунул телефонную трубку в карман и сказал, что уезжает. Эмма в свою очередь сказала ему, что диспетчер из гаража сообщил малоприятную новость. Витя, как известно, в кратковременном отпуске, а диспетчеру только что позвонила жена Феди и сказала, что у того поднялась температура, похоже на грипп, эпидемию которого давно уже ожидали в Москве, так что ничего необычного. Районный врач вообще предложил госпитализацию. И поэтому сегодня автомобиль Михал Михалычу подаст Илья Каретников, кадр проверенный, можно не беспокоиться. Фрадкин, выслушав вполуха, пожал плечами – вечно у них там дурацкие проблемы.

Большой загородный дом олигарха находился в модном районе – в Раздорах, что по Рублево-Успенскому шоссе. Он напоминал со стороны небольшую крепость, стоящую за высокой, из красного кирпича, традиционной ныне оградой. Сигнализация и все остальное было сделано на высшем техническом уровне, поэтому и из охраны здесь присутствовало всего два человека. Плюс личный телохранитель хозяина – Костя.

Автомобиль «мерседес-600» прибыл минут на десять раньше назначенного времени. Это было понятно: водитель новый, не рассчитал. Но прибыл – не стоять же! Костя знал свою машину. Однако документы у шофера проверил – на всякий случай, для порядка. Все пра-

вильно. Фрадкин сел на заднее сиденье, как обычно, Костя устроился рядом с водителем. Ворота по сигналу открылись, машина выехала на расчищенную от снега трассу к шоссе и... исчезла.

А через пятнадцать или даже двадцать минут у ворот засигналил точно такой же шестисотый «мерседес», из которого охранникам замахал рукой сменный водитель Федор. Он сразу заявил охране, что в опоздании не виноват – ДТП на дороге. Здоровенный «КамАЗ» с прицепом, груженный кирпичом, в буквальном смысле перегородил шоссе – занесло, едва беды не натворил, движение по Рублевке плотное, пробка – на километр...

Федор рассказывал, оправдываясь, и ничего не мог понять. Оба охранника пребывали в состоянии полнейшей прострации. Потом один из них ринулся звонить в Москву. А через десять минут сюда поступила команда: водителю и одному из охранников срочно явиться в офис на Большую Ордынку и никому о происшествии ни слова, даже супруге босса.

И вот, значит, пока официальное следствие раскручивало историю с исчезновением Фрадкина, руководство компании, как оно после оправдывалось, вынужденно вводя правоохранительные органы в заблуждение, решало в своем узком кругу, что делать. И главное – морочило головы ребятам из оперативно-следственной группы. И наконец объявило публично о награде за сообщение каких-либо сведений, которые смогли бы помочь в поиске Фрадкина. Вся эта непристойная игра длилась до тех пор, пока не пришло сообщение: «Освобождение президента „Стройэкспортгеса“ обойдется компании в десять миллионов долларов. Об условиях передачи денег разговор состоится позже». Вот только теперь господа бизнесмены изволили пролить свет на факт похищения Фрадкина. Что, между прочим, явилось откровением и для семьи президента концерна, теряющейся в догадках...

Чижов был возмущен до глубины души! Зачем же его заставляли отрабатывать никому не нужные версии, когда руководству было уже известно все, включая сумму выкупа?! Объяснили, конечно. Еще в день похищения, то есть пятнадцатого числа, в 10.30 утра (а олигарх сел в машину, как известно, без десяти десять) вице-президент компании Феликс Агабабов получил телефонное сообщение: «Если хочешь получить своего босса целым, а не частями, не гони волну». Телефонный номер звонившего аппарат не зафиксировал, – вероятно, звонок был сделан из городского автомата. На экстренном совещании руководство пришло к выводу – любую информацию, касавшуюся данного факта, засекретить. Но поскольку заявить властям все равно придется, то пусть пока милиция отрабатывает свои собственные версии – до первого же сообщения от похитителей, которое хотя бы прояснит смысл акции. Своеобразная логика, хотя и понятная, в общем. Жизнь человека дороже каких-то там принципов или законодательных положений.

Короче говоря, в деле открылась и укрепилась теперь финансовая подоплека, которую и взялись активно раскручивать. Подключили дополнительные кадры из ОБЭП. Те, несмотря на вялое сопротивление сотрудников «Стройэкспортгеса», а точнее, отсутствие помощи с их стороны, все же сумели выяснить, что заявление Фрадкина против неправомерных действий господина Саломатина из суда уже отозвано адвокатами концерна – на следующий день после поступления информации о десяти миллионах выкупа. Есть связь между этими событиями? Да никакого сомнения, что в данном случае одно четко продиктовано другим. И раз это так, раз уж больше претензий у господина Фрадкина к господину Саломатину, по сути присвоившему его «пароходы», больше нет, то остается лишь ожидать, когда узник обретет обещанную ему свободу. Правда, оставалась еще одна «маленькая» деталь – всего каких-то там десять миллионов долларов! Выкуп-то ведь, кажется, никто не отменял? Следовательно, оставалась и возможность проследить и взять преступников на горячем. Но создавалось впечатление, что такие соображения «правоохранителей» теперь уже никак не входили в планы руководства компанией. И что же, плюнуть и махнуть рукой? Или все-таки доводить уголовное дело до конца?

Как честный человек и в некотором смысле упертый профессионал, Василий Иванович Чижов альтернативы не видел – «вор должен сидеть в тюрьме»! И продолжал действовать так, как и должен был действовать любой уважающий себя следок на его месте. До вчерашнего дня...

А вчера произошло нечто. Рано утром в железные ворота своего дома в Раздорах постучал обросший, с запавшими глазами, похожий на бомжа-алкоголика некто. Недовольный охранник, брезгливо открыв калитку, хотел было уже дать пинка «посетителю», уже и ногу занес для удара, когда вдруг с ужасом опознал в этом грязном «челкаше» своего обожаемого хозяина!

Васин рассказ – со слов потрясенного, естественно, охранника – был не менее живописен, чем одежда господина Фрадкина, выброшенного в буквальном смысле из узилища. Его, со связанными за спиной руками и вонючим мешком на голове, привезли в багажнике машины почти к самому дому, ну не доезжая метров триста-четыре, после чего развязали руки и выкинули в сугроб. Пока Михаил Михайлович приходил в себя, пока разобрался с мешком на голове, никого рядом, естественно, не оказалось. Вот он и пришел пешком...

И дальше начался цирк. По словам Чижова, «доступ к телу» был немедленно перекрыт. Врачи заявили, что пострадавший перенес сильнейший стресс, он в глубоком шоке и любые встречи и разговоры с посторонними ему запрещены категорически. Хорошо хоть, вообще не забыли сообщить о его освобождении – и на том спасибо. А по поводу выкупа в офисе на Большой Ордынке было заявлено, что этот акт является коммерческой тайной и разглашению не подлежит, поскольку находится исключительно в компетенции руководства компании.

Ну хотят они выкинуть на помойку десять «лимонов»! И кто им может помешать это сделать?.. Вот, собственно, и все, что касается самого похищения.

И, наконец, последнее. Городской прокурор Прохоров дал указание доставить все следственные материалы, добытые на сегодняшний день, к нему – для их оценки и принятия решения о дальнейших действиях оперативно-следственной группы. Скорый ответ восхитил своей ну просто потрясающей казенной лапидарностью: «Дело приостановить в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых». А говоря нормальным русским языком, дело не имеет судебной перспективы. Итак, плюньте, ребята, у вас что, других забот не хватает?

Реакция Чижова была проста, как правда.

– Не знаю, уважаемые начальники, – сказал он тоскливым голосом, – смеяться нам или плакать... Но мы, – добавил уже с иронией, – люди подневольные. Сказано – развалить дело. Куда попрешь против этого? Вот вы, Вячеслав Иванович... или вы, Александр Борисович, учителя мои ненаглядные, что скажете бедному сыскарю? Чем утешите?

– Да отдохни ты! – морщась, как от зубной боли, отмахнулся Грязнов, который искренне переживал за Васю.

– Конечно, смеяться, – решил по-своему Турецкий. – И наплевать на все и всех с высокой кручи.

Сам он заскочил сюда, к Славке, с куда более важными, нежели похищение какого-то там олигарха, проблемами. Но Васин скулеж натолкнул на встречный вопрос. Наверное, не самый главный в данную минуту.

– Я вот заметил, старик, – по-свойски обратился он к Василию, – что ты в настоящий момент несколько, мягко выражаясь, неадекватен. В определенном смысле. Зачем это все тебе нужно?

Грязнов изумленно воззрился на друга: куда его понесло? Почему неадекватен? Дурак, что ли, полный козел? Но Василий этого не заслуживает! Речь ведь о системе!..

– Ваши взгляды понятны, – улыбнулся Турецкий. – Хуже другое: вы ни фиги не поняли по сути. Вы что же, решили, это сам прокурор принимает такое «идиотское» решение? Выставляя

при этом себя на осмеяние перед такими умными и сознательными, как мы с вами? Не, ребята, тут все гораздо сложнее. Вот, к примеру, ты, Вася, не учишь одного малого обстоятельства и еще возмущаешься... Не доложили тебе, видишь ли, о похищении, вроде как за нос водили. Ага, точно! И не только водили, но еще при этом ни тебя, ни меня, ни генерала Славку не боялись! Почему? Вот когда ответишь на такой вопрос, тогда и поймешь. И возмущаться перестанешь. Ты ж заметил, что мы со Славкой не возмущаемся? То-то и оно. Огорчаемся – но не более! Потому что знаем дело. Ведь этот твой – как его, Фрадкин? – не хрен с бугра, а, на минуточку, бывший вице-премьер нашего правительства! И олигарх, сам говорил, чуть ли не из первой десятки, так? А если наверху решили, что болтовню вокруг этого имени надо прекратить, значит, у них были на то веские основания. Так чего ж возмущаться? Славка, я прав?

– Я бы сказал иначе... – философски изрек Грязнов. – Не совсем прав. Но зато весьма убедителен. Так будет, пожалуй, вернее. А ты, – уперся он сердитым взглядом в Чицова, – учись, учись, пока не поздно! А то так и помрешь в подполковниках. И не юродствуй по поводу якобы нелепых формулировок! Каковы у нас законы, таковы и формулировки! Или наоборот? А, черт его знает! Словом, раз приостановили, значит, туда им всем и дорога!.. Саня, а у тебя какие проблемы? Тоже кого-нибудь украли?

– Не кого, а чего! – прямо-таки воспрянул Турецкий. – Сейчас, ребята, вы поймете, где настоящая жизнь! А то олигархи им тут...

2

Питер Реддвей, отставной генерал и руководитель международной школы, готовящей специалистов высшего, так называемого, «пятого уровня» по борьбе с терроризмом во всех его современных проявлениях, был разъярен, взбешен и прочая, и прочая... Школа эта была расквартирована в предгорьях Швейцарских Альп, в небольшом, считавшемся курортом баварском городке Гармиш-Партенкирхен. И старина Пит, самый толстый генерал на свете, как он себя называл, командовал данным секретным учебным центром со дня его основания – вот уже на протяжении почти десятка лет. За эти годы здесь прошли курс несколько сотен суперспециалистов, в том числе и из России, которая в свое время являлась одной из стран – учредительниц этого центра, где помимо специальных наук давалось образование также на высшем языковом уровне. «Файв левел» – так между собой профи из многих стран называли эту школу, или центр, как угодно. По-русски – «пятый уровень».

Закономерен вопрос: для чего сия информация? А вот и ответ. Уж если взбешен был мистер Питер, самый спокойный и самый разумный человек в этом шумном и бестолковом мире, значит, событие случилось, что называется, из ряда вон! Это мог бы засвидетельствовать любой, кто с ним общался, в частности – заместитель генерального прокурора Константин Дмитриевич Меркулов, начальник МУРа Грязнов, его племянник – директор частного охранного предприятия «Глория» Денис Грязнов, коллеги-сыщики и, наконец, сам Александр Борисович, одно время даже занимавший в секретной школе пост заместителя директора, иначе говоря – Пита. А также члены их семей. Остальные – по мелочам, если кому повезло в жизни.

Но почему был в ярости старина Пит – эта яркая звезда на небосклоне двадцатого столетия, ничуть, кстати, не утратившая своего блеска и в нынешнем, двадцать первом?

Здесь необходимо добавить еще одну небольшую подробность – долгие годы Питер Реддвей являлся заместителем директора ЦРУ.

Если за все годы существования советской власти у нее и был наиболее отъявленный враг, то им являлось, бесспорно, Центральное разведывательное управление США. Это аксиома. У новой, демократической России с ходу обозначились, как известно, иные ориентиры. А угроза мирового терроризма заставила бывших идеологических врагов сплотить ряды перед лицом общей крайней беды. И оказалось, что далеко не все и не так было в мире, как внушала везде-

сущая пропаганда, а с представителями проклятого класса угнетателей-капиталистов можно не только вместе работать, но и дружить. Таким вот образом, после того как однажды договорились между собой президенты великих держав, нашли общий язык и Реддвей с Турецким. А потом Александр Борисович стал читать в секретной школе лекции о следственной практике, имевшие, к слову, у слушателей первого выпуска большой успех. И не только в глазах воспитательных студенток, среди которых были, между прочим, и лейтенант нью-йоркской полиции, и не менее прелестный командир отделения французского спецназа, и другие красотки – перечисление их должностей и имен заняло бы слишком много места и времени. Ну, короче, было – и было.

И последняя деталь, без которой понять причину небывалого гнева отставного генерала просто невозможно.

Питер был не просто тучен телом, он был огромен и словно бы неповоротлив. Больше того, если он куда и выбирался, при своей-то фантастической лени, это можно было считать событием. Так или иначе, но Россию он несколько раз посетил. А дома, то есть в Гармише, у него было персональное кресло, где с легкостью могли бы разместиться два с половиной Турецких. Был также джип, сделанный по специальному заказу на «Форде», в котором Пит не только свободно помещался, но и чувствовал себя абсолютно комфортно. Кстати, в «Жигули» однажды, как ни старались, втиснуть его так и не смогли, хотя вынули правое переднее сиденье. Было еще много другого, созданного специально под Реддвее, менее значительного, разумеется, чем любимые кресло и машина.

И вот случилось невероятное – его замечательный темно-зеленый джип украли! Кто, когда – сплошная чертовщина!

Машина стояла в гараже на охраняемой стоянке возле школы, что само по себе уже являлось гарантией полнейшей безопасности. А Питер вылетел на два дня в Париж – по делам, естественно, иначе оторвать его от кресла было практически невозможно. Вернувшись домой, он пошел в гараж и... обомлел. Тот был пуст. Но самое поразительное, что ничего не могла внятно объяснить и охрана. Никто не заходил, никто не выводил машину «из стойла», никто... ничего... а машина между тем пропала!

Тогда стали внимательно изучать видеозаписи, снятые с камер слежения, коими были оборудованы все внутренние и наружные стены зданий школы. И тут наконец кое-что обнаружилось. Правда, немного. И продемонстрировали это записи не двух последних дней, а недельной давности, когда Пит был еще на месте.

Джип стоял во дворе, из-за ограды его рассматривали какие-то туристы, которых здесь хватало в любое время года, а теперь – мягкая зима, лыжный сезон, масса отдыхающих со всех концов света... Но некоторые лица повторялись и дважды, и трижды. Питер отдал копии видеозаписей специалистам собственной школы и попросил их высказать соображения. Причем надо отметить, что явных следов взлома они же, эти самые специалисты, обнаружить так и не смогли. Автоматические ворота территории школы открывались лишь по команде с центрального пульта, что постоянно и фиксировалось. Ну как мог пропасть этот роскошный, эксклюзивный автомобиль? Улететь, что ли?

А ведь, между прочим, случайно брошенная мысль имела все основания быть превращенной в версию! В последние дни над городом и его окрестностями частенько появлялись полицейские вертолеты. Ну порядок при большом стечении народа соблюдать требуется постоянно – не вопрос. Наблюдать за неопытными лыжниками – тем более. Так вот, почему бы изобретательным на всякие пакости преступникам не воспользоваться именно такой возможностью? Гаражи находятся в некотором отдалении от здания школы, они закрыты на специальные замки. Но ведь известно, что для умельца нет ничего недоступного. А если еще какой-нибудь вертолет, к примеру, в сумерках вдруг зависнет над окруженной высокой оградой чьей-то частной территорией, что здесь необычного? Тем более что именно в сумерках отдыхающий

народ предпочитает не шляться по чистеньким баварским улочкам, а посиживать в барах, как выражались в старину, за пинтой доброго пива.

Короче, именно эта версия и обозначилась в качестве основной. Анализ лиц, запечатленных в видеозаписях, показал, что большинство из них – представители так называемого Ближнего Востока. А списки проживающих в гостиницах города за последние недели подтвердили, что среди гостей лыжного курорта было немало, выражаясь по-русски, «лиц кавказской национальности». По предположению этнографов, это были приезжие, скорее всего, либо из Турции, либо из Азербайджана. Турция сразу отпадала, она поставляла в Европу вообще, а в Германию в частности главным образом гастарбайтеров, этим не до лыжного спорта. Зато вот азербайджанцев было зарегистрировано несколько. Именно их лица, вероятнее всего, и маячили у ограды школы.

Что мог сказать по этому поводу сам Питер? Только одно, и это было восклицание, больше напоминавшее проклятие: «О господи! Как же нам всем осточертела эта чертова русская мафия!!!».

А затем он позвонил в Россию, в Москву, старому другу Косте. По той простой причине, что выйти на еще большего своего друга, на Алекса Турецки, он не мог – у генерала российской юстиции почему-то не отвечал мобильный телефон. Может быть, он опять забыл его оплатить? Так уже бывало...

Меркулов, как человек серьезный и не лишенный воображения, представил себе Питера и не расхохотался лишь по той причине, что слишком уважал этого большого, во всех смыслах, человека. Он попросил выслать ему документы на украденную машину, копии видеозаписей и пообещал разобраться в самое ближайшее время. Хотя в глубине души не очень еще понимал, как это делает.

Беда в том, что воровство машин в России давно уже приобрело характер запущенной болезни. И лечить ее можно лишь единственным способом – радикальным методом грубого, пардон, хирургического вмешательства. Но в государстве, где ежедневно совершаются заказные убийства, раскрыть которые практически невозможно, кто ж станет всерьез карать каких-то там угонщиков?! К сожалению, Питеру всего этого не объяснишь...

Наивный человек, он попросил друга Костю поручить это дело, на один момент, – Пит обожал всяческие идиомы и вообще любые непереводимые «тонкости» русской речи, которые постоянно вносил в записную книжку, чтобы блеснуть при случае, – так вот, поручить поиск «любимой машины» «старине Алексу». В талантах Турецкого Реддвей был уверен точно так же, как и в своих собственных, а это очень высокая оценка. И Костя пообещал ему, попутно размышляя, под каким соусом «воткнуть» это задание ну совершенно непричастному к делам подобного рода старшему следователю Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры. Абсурд! А что поделаешь? Питер ведь не виноват...

И когда с фельдьегерем прибыли видеозаписи, а также все технические данные на украденный автомобиль, Косте уже ничего иного не оставалось, как позвать Турецкого и в буквальном смысле всучить ему это дело – в частном порядке. То есть придется поискать, но ни в коем случае не отрываться от более важных расследований. А в качестве утешения посоветовал привлечь «ребятишек» из «Глории» и их шефа, Вячеслава, тоже большого друга Питера. Ничего, перебьются, дружба частенько требует определенных жертв.

Вот, собственно, по этой причине Александр Борисович и навестил Грязнова. Но когда тот стал вдруг возражать, что это не его прямое дело, что оно как-то не ко времени и прочее и так далее, Турецкий заявил без всякого уважения к погоням хозяина кабинета, что дружба, по словам одного известного поэта, – понятие круглосуточное, так что о времени лучше забыть. А кроме того, он напомнил Вячеславу его же собственное высказывание, которое с прошлого года, что называется, на устах у всех Славкиных знакомых.

Дело в том, что осенью Грязнов купил себе джип «мерседес» и очень гордился покупкой. Когда же ему сказали, что сегодня именно такие машины чаще всего и воруют, отправляя на Кавказ, начальник МУРа взбеленился и в запальчивости заявил, что, если у него посмеют увести его джип, он торжественно клянётся отыскать вообще все украденные за последние годы автомобили и вернуть их хозяевам! Конечно, перебрал, все это понимали, но сам факт выступления не улетучился из памяти. И время от времени кто-нибудь да обязательно напоминал Вячеславу о данном им обещании. Не избежал соблазна и Турецкий. Тем более что машина у Питера Реддвеля действительно эксклюзивная, и отыскать ее будет проще, нежели какой-то там вшивый серийный мерседесовский джип.¹

Грязнов вынужден был проглотить довольно-таки оскорбительный выпад, да еще в присутствии младшего по званию, но в конце концов он осознал свою ответственность перед мировым общественным мнением и взялся за телефонную трубку, чтобы позвонить племяннику в «Глорию».

– Можешь не звонить, – сказал Турецкий, – я уже был у них. Кстати, Денис, в отличие от своего дяди, сразу все понял без подсказки и заявил, что это дело он считает в прямом смысле почетным для себя. И своей конторы, разумеется. Материалы я им оставил, сейчас знакомятся. А я со своей стороны пообещал им приложить все усилия, если потребуется помощь. Тебе ясно, мой генерал?

– Сговорились... за спиной... – мрачно пробурчал Грязнов и отмахнулся: уходите, мол, надоели хуже горькой редьки...

Посетители со смехом покинули его кабинет.

¹ См. роман Ф. Незнанского «Возвращение в Сокольники» (М., 2002).

Глава вторая

Старые знакомые

1

Никогда не поверил бы Александр Борисович, если бы ему кто-то сказал, что пустяковое, в сущности, дело может поднять такую большую волну...

Но в этом он, как, впрочем, и Денис Грязнов с его командой, убедятся в ближайшем будущем, когда вплотную займутся поиском похищенного в Германии автомобиля. А пока же, покидая внушающий невольное почтение дом на Петровке, из окон которого, по утверждению старожилов уголовного мира, аж Колыму видно, Турецкий не мог отделаться от впечатления какой-то неясности. Она возникла во время разговора у Славки и словно сама собой растворилась в процессе общения. Вспомнил, когда уже вышли на служебную стоянку машин.

– Слушай, что-то я хотел у тебя спросить... – делая озабоченное лицо, обратился Александр Борисович к Чижову. – А, вот о чем... Ты, говоря про семейку этого твоего магната, видно, что-то собирался добавить про дамочку... И ушел в сторону. Почему?

Турецкий мог бы и не темнить перед Василием, уж свои-то люди знали некоторые грешки, которые водились за «важняком» из Генпрокуратуры. Вот и Чижов засмеялся.

– А я все думаю: и когда ж он наконец поинтересуется?

– Умные тут! – со сварливой, грязновской, интонацией воскликнул Турецкий. – А я серьезно.

– Да? – удивился, продолжая смеяться, Чижов. – Ну-ну... Вот такая, – он показал большой палец, – баба! Но... видать, к ней особый подход нужен. И потом, я не думаю, что она так уж довольна своим мужем... в определенном плане. Даже наверняка не довольна. И что-то такое у нее было, но она не захотела сказать, как я ни выпытывал. Не в койку ж ее было тащить!

– А почему? – хмыкнул Турецкий.

– Не, Александр Борисович, я на такие приключения не мастак. Если хотите, дам телефончик. В принципе ей, по-моему, просто делать не хрена, отсюда и фантазии. Дать?

– Ну давай... – лениво и будто даже неохотно протянул Турецкий. – Есть, понимаешь, в твоём рассказе одна деталь... любопытная. Интересно проверить...

– Валяйте, экспериментируйте. Не уверен, что она будет сильно возражать...

Этот молодой нахал – никак не иначе! – на память продиктовал семь цифр и даже позволил себе поощрительно подмигнуть: мол, действуй, учитель! Ну надо ж, какая молодежь пошла! Однако веской причины для протеста у «учителя» с ходу не нашлось, и он лишь смешливо отмахнулся: а ну тебя – пока!

Чижову, возможно, и в самом бы деле показалось странным, что именно то, о чем он подумал, Турецкого как раз и не волновало в данный момент. Нет, размышлял Александр Борисович совершенно о другом, а скользкая тема была всего лишь невольным антуражем. Он ухватил из информации Чижова одну стоящую деталь, на которую тот сам не обратил внимания. Потому что если бы всерьез обратил, то дождал бы дамочку. А суть в том, что ей известно нечто такое, о чем следствие совершенно не в курсе и что может пролить свет на всю эту насквозь фальшивую историю с похищением, выкупом и возвращением олигарха домой. Какой-то идиотский спектакль, рассчитанный на впечатлительного обывателя, почитывающего желтую прессу. И вот это «нечто» дамочка по имени... Эмилия Леонидовна?.. Что-то было вроде знакомо, но... неважно. Она так и не раскрыла. А теперь, когда дело, по существу, прекращено... – ну приостановлено, какая разница? – она больше ни слова не добавит. Или попро-

бовать все же? Из чисто профессионального интереса? Оно конечно, других забот у тебя, Сан Борисыч, больше нет! Ладно, может, при случае... На том и остановился. Не подозревая, что буквально в ближайшие часы столкнется с этим делом, что называется, нос к носу...

Попрощавшись с Чижовым, Турецкий поехал в сторону «Глории», в Сандуновский проезд. Вообще-то здесь пешком два шага, но не бросать же машину!

Дениса он застал куда-то срочно собирающимся. Оказалось, ему позвонила одна дама и в прямом смысле умолила приехать к ней на квартиру. Она постоянно живет за городом, а в Москве просто вынуждена была появиться для решения неотложного вопроса. Приехать же в агентство боится, так как за ней теперь постоянно следят, она это знает. И дело настолько серьезное, что дальше тянуть она уже не может. Вот такие исходные данные.

– Она хоть представилась? Что за птица? Из каких краев? – небрежно, скорее по привычке, нежели по необходимости спросил Турецкий, досадуя, что придется, видимо, ждать теперь Дениса. Или пока обменяться мнениями с его сотрудниками?

– Она-то? – так же походя бросил Денис. – Фамилия – Фрадкина. Зовут Эммой... Ты чего? Вы знакомы?! – это он увидел выражение лица Турецкого.

– Слушай, просто фантастика... Ты не станешь возражать, если я поеду с тобой? Представь, как своего помощника, в любом виде, хорошо?

– Пожалуйста... – Денис недоуменно пожал плечами. – А зачем это тебе надо, дядь Саня?

– Давай поговорим, пока будем ехать. Это далеко?

– Осенний бульвар. В Крылатском.

– А-а, ну понятно...

– Что понятно? – продолжал недоумевать Денис.

Его недоумение длилось не более пяти минут, в течение которых Турецкий сумел изложить существо сегодняшнего разговора в кабинете Вячеслава Ивановича. Денис ушам не верил. Ну надо же, чтоб такие совпадения!

– Теперь ты понимаешь, что срочность вполне может быть вызвана именно теми обстоятельствами, которые мадам Эмма, она же Эмилия Леонидовна, четвертая супруга олигарха, и утаила от следователя Васьки Чижова? Как тут давеча огорошила меня Нинка, фишку-то просекаешь?

– Ну ты даешь, дядь Сань! – прямо-таки оторопел Денис.

– Твои щенячьи восторги с удовольствием переадресовываю моей дочери. Это вы с ней одного поля ягода, а я уже стар для подобных языковых экспериментов.

– Научим, дядь Сань, – кивнул Денис. – А вот по поводу твоих соображений...

– Ставлю сто баксов, что причина ее звонка к тебе как раз в том, о чем я думаю. А?

Денис внимательно посмотрел на Турецкого, ухмыльнулся и отрицательно покачал рыжей своей, толковой башкой:

– Уж больно ты хитрый... как я погляжу...

2

Квартира как квартира. Такой и положено быть у олигарха. А насчет евроремонта, как поначалу подумал Турецкий, то им здесь и не пахло по той простой причине, что этот самый евроремонт в своей изначальной идее призван плохое заменить хорошим, а здесь все сразу было сделано на «отлично». Умеют же строить, когда захотят! Или все-таки – кому захотят?

Но гораздо больше просторной и светлой квартиры на десятом этаже – с широкими окнами, удобной, не загромождающей пространство мебелью, с массой зелени, натуральной, а не искусственной, – Александра Борисовича поразила хозяйка. Появилось у него ощущение, которое называют дежа-вю. Но с чем оно связано, когда и по какой причине – этого он не мог вспомнить. И поэтому его особенно задевал неприкрытый иронический интерес к нему Эми-

лии Леонидовны. Причем буквально с первой минуты знакомства. Когда Денис представил его в качестве своего помощника, дама неожиданно вскинула взгляд, полный неподдельного любопытства, в котором, как немедленно отметил Турецкий, никакой особенной тревоги и не наблюдалось. Впрочем, хозяйка могла уметь держать себя в руках. Но ведь ей, по словам Чижова, нет еще тридцати. Тогда у нее должен быть неординарный характер. Наверное, с этими олигархами иначе и нельзя – схарчат за милую душу...

Она попросила называть ее Эммой, так привычной. И предложила это не Денису, а почему-то Турецкому, хотя тот сразу занял позицию за спиной «начальника». Пригласила присесть у круглого стола с верхней частью из толстого притемненного стекла, сама прошла на кухню, отделенную от просторной гостиной высокой стойкой бара и вынесла на красивом серебряном подносе три чашки кофе капучино. Сплошной, видите ли, изыск! Но «о чем же будет речь идти, к чему так длинно предисловье?» – мысленно процитировал классика Турецкий, взгляд которого никак не мог оторваться от сильных, красивых ног мадам Фрадкиной. Такие отменные ножки обычно бывают у девушек, которые занимаются синхронным плаванием, уж это знал Александр Борисович. Но он был бы совершенно не прав, если бы свои впечатления ограничил лишь этой, пусть важной, но далеко не самой главной деталью женской фигуры. Все остальное, к его глубокому внутреннему удовлетворению, также соответствовало изысканным канонам. Кому ж и знать-то! Сукин сын, лесной магнат Фрадкин, как и все, ему подобные, желая самого лучшего, естественно, его и получал. Турецкий поставил на этой своей констатации непреложного факта точку, после чего стал внимательно слушать, о чем повествовала Денису очаровательная дама, едва не ставшая не менее завидной вдовой.

Итак, история случилась насколько банальная для нашего времени, настолько и сволочная, если расставить верные акценты. И произошла она, вернее, ее драматическое начало, где-то меньше чем за неделю до известного из сообщений в печати громкого похищения ее супруга. Она сама заговорила об этом, что избавляло Турецкого от необходимости искать подходы к данной теме.

Из Франции прилетала подруга. Когда-то вместе занимались спортом...

Ну вот, значит, Александр Борисович не ошибся, конечно, спортивная выправка... Но откуда знакома?! И ведь что знакома – точно! А память, как он ее ни ворошил, не подсказывала.

Прилетала подруга. Эмма помчалась ее встречать. В тот день ночевала в Москве, то есть здесь. Села в свою «тойоту» и – по Рублевке до Кольца, а там прямо, до Ленинградского шоссе. Беда случилась, едва проехала Строгино, на подъезде к мосту через Москву-реку.

И Турецкий, и Денис уже знали об этом способе «накалывать» самонадеянных автоладельцев. С левого ряда твою машину стгоняет какой-нибудь крутой джип, сверкающий десятком фар, а когда ты сдаешь вправо, вот тут тебя подрезает другая машина. Подставляется таким образом, что ты невольно задеваешь ее. Ну, выскакивают из нее стриженные братки и начинают базар. Плати, иначе... и так далее. Испытанный, верный способ наглого, халявного заработка. Ничего нового, казалось бы, не случилось и в тот раз.

Эмма задела обгонявший ее «мерседес», который, если честно, как она теперь понимает, сам и прижался к ней – подставился. Дальше все по отработанной программе – качки начали куда-то звонить, и буквально через пять минут из Строгина примчалась машина дорожно-патрульной службы. Вышли два солидных дядечки с погонами лейтенантов милиции, уж это Эмма знала, взяли у нее документы на машину, походили, посмотрели на следы, оставленные бампером «тойоты» на заднем левом крыле «мерседеса», покачали головами и сказали: «Разбирайтесь сами!» А ей добавили: «Лучше заплатите им, иначе хлопот не оберетесь...» И спокойно себе укатили, оставив ее один на один с этими уродами. Ни протокола не составили, ни о какой-то ее страховой компании даже слушать не захотели. И едва они уехали, как эти мерзавцы в буквальном смысле взяли ее в оборот.

Дело в том, что милиционеры, которые наверняка были теми же братками, только в форме, документы ей не вернули, а передали их «пострадавшим». Короче, те немедленно расселись в обе машины, сжав ее с боков на заднем сиденье, и повезли по Волоколамскому шоссе, в сторону от Москвы. Завезли в какой-то поселок, она даже названия рассмотреть не успела на дорожном указателе, вкатили во двор, где были авторемонтные мастерские.

Тут же явились неизвестные люди, осмотрели «мерседес», покачали головами и назначили цену ремонта – десять тысяч долларов. Естественно, при себе таких денег у нее не было.

А дальше началось самое отвратительное... Эти трое братков затащили ее внутрь помещения, в какую-то тесную, обшарпанную комнату вроде кладовки, где стоял грязный, продавленный диван. И на нем они ее... как дорвавшиеся до мяса голодные собаки...

Эмма вдруг зарыдала. Неожиданно и почти взхлеб. Размазывая слезы по щекам вместе с черными потеками от краски на ресницах. Похоже, что она рассказала об этом в первый раз. Может, некому было. Или боялась, нестерпимо стыдно ведь... кто ее знает...

Турецкий сходил на кухню и принес стакан воды, дал ей. Выпила и так же сразу успокоилась. Извинилась и ушла в ванную. А когда вернулась, на лице не было и следов какого-то душевного расстройства. Кажется, она даже улыбаться пробовала, хотя это у нее получалось не очень. В общем, крепко ей тогда, видно, досталось.

Эти негодяи позже вывезли ее обратно на Кольцевую автодорогу, где пересели в свой «мерседес», и тут же умчались. Разумеется, ни о какой подруге речи уже идти не могло. Эмма возвратилась домой, забралась в ванну и лежала почти до вечера, пытаясь смыть с себя всю грязь происшедшего...

Ни документов, ни сумочки с паспортом ей не вернули, отдав лишь ключи от машины и дома. И предупредили, что обращение в милицию станет худшим днем в ее жизни. А куда уж хуже! Далее, она должна им уже не десять тысяч долларов, а еще по тысяче за каждый день, начиная с сегодняшнего. Ей будут звонить ежедневно, напоминая о долге.

Да она была готова немедленно отдать им все! Но они, оказывается, не торопились. Они, оказывается, должны быть твердо уверены, что она никуда заявлять не станет. Словом, чистойшей воды шантаж.

Уже на следующий день она сняла со своего счета двенадцать тысяч долларов, чтобы отдать и все забыть как страшный сон. Ей назначили встречу на Гоголевском бульваре, возле памятника. Но подошел неизвестный ей человек и потребовал деньги. Она, не будь дурой, ответила, что пусть они сперва вернут ей все документы. Ничуть не бывало. Этот засранец развернул перед ней десяток цветных фотографий, на которых она, будто в том же кошмарном сне, увидела себя совершенно голой, занимающейся сексом сразу с тремя такими же голыми здоровенными мужиками. И пока Эмма пыталась осознать, что происходит, этот негодяй со сладострастной, подлой ухмылкой добавил, что кроме стоимости поврежденного ею «мерседеса» ей придется выкупить еще и эти фотографии – недорого, по тысяче баксов за штуку. Всего – десять и плюс столько же за пленку, итого – двадцать «штук». Учитывая ее общественное положение, совсем недорого. Иначе все это дело бесплатно получит ее муж, господин Фрадкин, пакет которому будет доставлен прямо в офис. На размышления ей отводилось не больше трех дней, учитывая, как он сказал, некоторую пикантность ситуации. Документы свои, сказал этот подонок, она получит в ближайшие день-два по почте, поэтому деньги за них он готов принять прямо сейчас. Не отдаст теперь, ей же хуже. Зато с оплатой фотографий они, так и быть, ее не торопят. Но это совсем не значит, что она может тянуть до бесконечности – ну недельку, не больше. Да ведь и господина Фрадкина стоит пожалеть, ему неприятно будет узнать о том, как его супруга предпочитает развлекаться в кругу близких друзей. И все это говорилось с такой мерзкой интонацией, что Эмму едва не стошнило от вновь накотившего ужаса...

Короче, ее взяли за горло. Нет, документы на другой день действительно вернули – конверт с ними кинули в почтовый ящик. С запиской, что они не варвары и понимают: женщине

надо ездить, а без прав это опасно, вдруг придется объясняться с милицией! Все, мерзавцы, предусмотрели...

Эмма не знала, что делать. Заплатить за эту порнографию, но у них же наверняка все продублировано и шантаж все равно не прекратится. Заявить в милицию? Позору не оберешься! Признаться мужу?! Это вообще полностью исключалось. При всей его порядочности в отношениях с нею такой удар будет для него страшным – он ревнив иной раз просто до безумия. Однажды нарвавшись на резкое проявление этого качества его характера, она бы решилась повторить нечто подобное разве что под страхом смертной казни. А ведь положение ее практически и было таковым. Нет, она боялась.

И тут неожиданно произошло это похищение. Три самые страшные для нее недели она провела в Раздорах, в Москве не появлялась. Возможно, поэтому и не выходили на связь с нею бандиты с большой дороги. В Раздорах Фрадкины пользовались только мобильной связью, городской телефонной линии Михаил не доверял принципиально. Имел, видимо, на то основания.

Три недели она провела в полубессознательном состоянии, будучи уверенной в том, что исчезновение Михаила – тоже одна из устрашающих акций все тех же бандитов. Но она безумно боялась даже думать об этом и потому всячески уходила от любых вопросов, которые могли бы натолкнуть следователей на подобные предположения.

Александр Борисович понял, что на все незаданные свои вопросы уже получил исчерпывающие ответы. Кроме одного, который напрямую касался друзей и врагов олигарха. В принципе уже можно было кое-что предположить, но эти предположения были также никому не нужны.

А далее, по словам Эммы, события развивались вполне логично и закономерно. На следующий день после возвращения Михаила домой она вырвалась наконец в Москву, где и поняла, что за ней продолжали следить. Едва она вошла в квартиру, как раздался телефонный звонок. Тот же подлый голос напомнил ей о долге и добавил, что за прошедший «месячишко» набрали кое-какие «процентики». Она сама женщина грамотная, считать умеет, «штука» в день так вот, пора бы и расплачиваться, а не то... Ну конечно, в настоящей ситуации только не хватает, чтоб Михаилу стало известно еще и об этом...

В одном лишь уверилась Эмма, похищение мужа никак не было связано с тем происшествием. Иначе Михаил уже был бы в курсе.

И вот теперь, после всех передрыг, она наконец по совету все той же подруги, которую так и не встретила в аэропорту (та сама добралась), единственной, с кем просто вынуждена была поделиться своей бедой, позвонила ее знакомому адвокату. А он, не вдаваясь в детали дела, посоветовал ей обратиться за помощью в агентство «Глория». И при этом постараться лично не светиться, коли уж установлено за ней плотное наблюдение, а пригласить директора агентства к себе домой. Так она и поступила.

– Итак, вы хотите... – начал было Денис, но Эмма с жаром перебила его:

– Я хочу, чтоб эти гады на своих шкурах почувствовали то, что пережила я! Можно просить вас об этом?

Денис, стараясь сохранить серьезность, переглянулся с Турецким, как бы ища поддержки. И Александр Борисович не замедлил прийти на помощь.

– Я полагаю, – хмуро сдвинув брови, сказал он, – наше агентство сможет справиться с поставленной задачей, не так ли, Денис Андреевич?

На что Денис, тоже картинно поиграв густыми рыжими бровями, солидно кивнул.

– Было бы желательно, чтобы вы, Эмма, отдали им хотя бы часть своего долга. Нам необходимо зафиксировать этот момент, иначе розыск шантажистов может несколько затянуться, что совсем не в ваших интересах. А деньги для передачи мы можем пометить специальным составом. Так что после этого им будет некуда деваться. Вы готовы к этому?

– Я готова на что угодно, чтобы наказать мерзавцев! – с новым жаром воскликнула она. – Когда это надо сделать?

– Чем скорей, тем лучше... Да, Александр Борисович?

– Согласен с вами, Денис Андреевич, тем более что предстоит еще и этот спецрозыск. вы понимаете, о чем я говорю?

– Да-да... Тогда договоримся так. Я сейчас вызову своего сотрудника, который поставит здесь необходимую аппаратуру и объяснит вам, как себя вести и что говорить. Затем вы назначите им свидание в том месте, которое мы с вами обговорим заранее, после чего явитесь, вручите часть денег со словами, что они пока должны подождать, ибо вопрос о процентах для вас очень непростой. Может все неожиданно рухнуть, и таким образом они сами останутся с носом. Не стесняйтесь и заорать на них, они так же боятся засветиться, как и вы, приглашая сюда нас с Александром Борисовичем. О своей безопасности не беспокойтесь, это уж мы постараемся обеспечить. Когда они должны позвонить, как вы считаете?

– Сегодня, я уже говорила, напомнили. И довольно жестко. Наверное, теперь завтра.

– Вот и славно, завтра и приготовим для них небольшой сюрприз. А сейчас я составлю договор, вы его подпишете, а мы начнем действовать. И последнее. Наша профессиональная помощь обойдется вам куда дешевле вашего так называемого долга. Я проставлю цифры, а вы посмотрите. Устроит – начнем работу немедленно. – Последнее Денис произнес с улыбкой и поглядел на Турецкого: – А у вас, Александр Борисович, нет вопросов к Эмили Леонидовне?

Турецкий посмотрел на нее и медленно покачал головой – нет.

– Тогда, если позволите, у меня есть, – сказала Эмма. – Александр Борисович, только честно, вы меня совсем-совсем не помните?

Он снова, теперь уже с сожалением, отрицательно качнул головой.

– Жаль... – улыбнулась она. – А я, едва увидела, сразу вспомнила... Вы разве ушли из Генеральной прокуратуры?

– С чего вы взяли?... – и Турецкий понял, что попался. Как мальчишка, на фу-фу! – Ладно, чего уж теперь... – он вздохнул с некоторым даже облегчением. – Мы с ним, – указал на Дениса, – просто коллеги и старые друзья. А к вам я сам напросился, когда узнал, что Денис сюда едет. Дело касается вашего супруга. У меня, видите ли, возникли те же подозрения, что и у вас. О связи двух событий, понимаете? Но теперь я почти уверен, они у нас с вами отпали. Вы правы – ваша беда с его похищением никак, скорее всего, не связаны. А что уголовное дело по поводу той истории с Михаилом Михайловичем прекратили, вы в курсе?

– Да, – ответила она с такой интонацией, что неопытному человеку могло бы запросто показаться, будто этот факт ее абсолютно не интересует и даже отчасти неприятен.

– Сам я не занимался расследованием, это у моих коллег возникло ощущение, что оно как было с самого начала нечистым, так и осталось. И никого не волнует та правда, которую коллеги вашего мужа тщательно скрывают от посторонних. Я не прав?

– Честно? – с вызовом спросила она.

– Конечно.

– Мне это тоже совершенно неинтересно. Важно, чтобы Михаил был жив и здоров. А остальное...

– Я так и подумал. И где же мы встречались? Могу поклясться, что свидание с такой женщиной, как вы, Эмма, ни за что не изгладилось бы из моей памяти! Вы не ошибаетесь?

Тут Денис подвинул ей оформленный договор и протянул свою ручку с золотым пером. Она как-то странно усмехнулась, небрежно просмотрела текст по диагонали и расписалась внизу, положив затем сверху ручку, и спокойно отодвинула документ от себя.

– Эх, Саша... – вздохнула она с таким сожалением, что Турецкому стало неловко перед Денисом.

И надо отдать тому должное, Грязнов-младший вмиг почувствовал себя лишним. Поэтому поднялся, сунул в папку подписанный договор и сказал, что спустится в машину, откуда и отдаст первые необходимые распоряжения, а вот Александр Борисович может еще поговорить с прелестной хозяйкой, вспомнить молодость, то, другое... И откланялся.

– Нет, ну как вам нравится этот нахал? – довольно-таки фальшиво протянул Турецкий, когда дверь за Денисом закрылась.

– А ведь когда-то мне гораздо больше нравился другой нахал... – Эмма многозначительно посмотрела на него и иронически хмыкнула: – Который клялся, уверяя меня, будто таких, как я, никогда не встречал в своей жизни! Врал, конечно. Только я тогда этого не понимала. Я была совсем молодой, девятнадцать только исполнилось, и охотно верила этому ловеласу с погонами подполковника чего-то там такого! Ну да, на ялтинском пляже, да еще в бархатный сезон, столько соблазнов!

– Стоп! Ни слова больше! – воскликнул Турецкий. – А ночевали мы в лодочном сарае, в Гурзуфе. Эмка, черт меня возьми, ну как же тебя-то угораздило?!

– Что именно? – не поняла она.

– Да за этого твоего олигарха, будь он неладен!

– Но это ж именно ты соблазнил девушку, охмурил и бросил – замуж не пригласил? Разве не так?

– А я никому не врал, что холостой. Всегда начинал с того, что у меня есть жена и крохотуля дочка...

– Ну и правильно, психологически выверенный вариант! Нате вам женатого мужчину, который все умеет и с врачебной точки зрения чист и прозрачен как стеклышко. Готов помочь весело провести время, и главное – без нежелательных последствий, ведь так?

– Ох, ну все ты про нас, негодяев, знаешь!

– А я тогда только еще догадывалась. Знание пришло с опытом, дружочек... Но ты и мне не врал... Никогда не забуду!.. Ну надо же! «Хочешь, буду изо всех сил за тобой ухаживать, а через два дня ты все равно станешь моей, после чего мы будем вынуждены расстаться, но ты горько пожалеешь о потерянных двух днях?» А, каково? «Или иначе: отдаешься прямо сегодня, а потом у нас впереди целых два дня!» Поставил девушку перед выбором, ну и я, дуреха, естественно, согласилась на второе. А кто поступил бы тогда иначе? И кстати, после я ни о чем не жалела. Но ведь ты же меня забыл? А я те две ночи под Гурзуфом до сих пор вспоминаю, как... – Она вздохнула и поежилась, словно от резкого порыва ледяного ветра.

Турецкий даже невольно огляделся – не открылось ли где нечаянно окно.

– Да, помню... Но ты была совсем другая. Наивная, трогательная и... пылкая. А сейчас передо мной зрелая, прекрасная дама...

– От ног которой ты никак глаз отвести не мог, да? Я же кожей чувствовала! Ох, Сашка... прости, что я так... Я еще толком не пришла в себя... Помогите мне, ребята, ну пожалуйста... – совсем жалобно попросила она. – Я тебе буду так благодарна!.. Ты даже не представляешь... как скажешь, что захочешь, честное-пречестное!

Ну как после этого сказать «нет»? Турецкий и пообещал сделать все, чтобы избавить ее от кошмара, причем пообещал от чистого сердца, без капли лукавства, а в общем-то и без надежды на «благодарность».

Пора было уходить, тем более что Денис уже наверняка сделал все необходимые звонки. Поцелуй у двери был просто трогательным... Господи, что только с нами делают эти воспоминания!..

3

Александр Борисович с удовольствием принял самое живейшее участие в планировании операции под кодовым названием «Эмма».

Из недолгого, но достаточно эмоционального рассказа пострадавшей дамы фактуры набралось, в общем, не слишком-то много. Вопрос ставился иначе – каким образом ее использовать? Как ни странно, а номер того «мерседеса» она запомнила, но... тут же и забыла. Наставить, чтобы немедленно восстановила в памяти, было трудно. А цифры номера могли всплыть и сами – в соответствующих условиях.

Решили для начала попробовать найти то место, где находилась авторемонтная мастерская, куда бандиты привезли свою жертву. Тоже, конечно, не очень здорово напоминать женщине о тягостном происшествии, но другого способа отыскать концы, не дожидаясь, пока удастся сесть на «хвост» шантажистам, не было. Точно так же ни у кого не возникало сомнений, что фальшивые оценщики находились в доле у бандитов. Значит, найдя их, можно было выходить и на главных действующих лиц. Вот такова первоначальная диспозиция, которую детально обсудили в «Глории». А после этого телефонную трубку мобильного передали Турецкому, потому что, по общему мнению, он владел потрясающим даром убеждения. На женщин от двадцати пяти до сорока пяти лет он почему-то действовал подобно змею на лягушку, которой тот собирается поужинать, – она может даже брыкаться, но все равно отправится по назначению. Естественно, говорилось в шутку, а то «важняк» мог бы, пожалуй, и обидеться – слегка. И главным образом на слово «брыкаться» – с чего взяли-то, и вообще, разве когда такое бывало?! Тогда, значит, возгордиться?

– Привет, девушка, – бодро начал он, – это Саня, помнишь еще такого? – И, не давая ответить, быстро продолжил: – Сейчас к тебе подскочит мой коллега, Коля его зовут, и передаст кое-какие лекарства для Михаила, те, о которых ты просила, и давай через часок пересечемся, поболтаем, лады? Все поняла? Ну и молодец.

Денис тут же обернулся к Николаю Щербак, который еще со времен Афгана, не говоря уже о Чечне, был на «ты» со всякой спецтехникой, чем занимался и в агентстве наряду со своими основными обязанностями сыщика.

– А тебе, Коля, придется быстренько проверить там все и установить нашу технику. А на обратном пути постарайся, чтобы за дамочкой «хвоста» не было. Ясна задача?

– Так точно, босс, выполняю.

Щербак уехал.

– Итак, – сказал Турецкий, – с этим у нас более или менее понятно. Теперь давайте подумаем, что будем делать с джипом Питера. Я ведь у вас, собственно, ради него. А «женский вопрос» – он попутно возник. Что нам дают видеосъемки, господа хорошие?

Денис уселся напротив и достал из ящика стола свой блокнот, полистал:

– Вот... Значит, технические данные, описание машины подготовлены. Сегодня до конца дня ориентировки уйдут во все таможенные пункты западного и южного направлений. Если джип где-то пересекал нашу госграницу со стороны Европы, нам дадут знать. Дядька уже разговаривал по этому поводу с замом директора ГТК, и тот обещал дать команду. Уедет на юг, тоже будем знать.

– Это, надо понимать, если угонщики действовали, в общем, по закону. А если они просто сунули какому-нибудь своему человеку «набор зелени»? И тот пропустил без всякой регистрации?

– Ну извини, Сан Борисыч, – возразил Денис, – если все в Германии происходило так, как ты описываешь со слов того же дяди Пита, они могли и свой самолет для этой цели вызвать.

Сел на одном из польских аэродромов, частная лавочка, понимаешь, закатили тачку на борт – и поминай как звали! Мы что же, будем теперь все наши аэродромы прочесывать?

– А ты как думал? – даже удивился Турецкий.

– Ну и ну... – только и ответили «господа хорошие», то есть сыщики, сидевшие тут же, за общим круглым столом.

– Да это ж никаких денег... – начал было самый мудрый из сотрудников – Сева Голованов, в прошлом майор разведки спецназа ГРУ.

– Одну минуточку! – тоном, не терпящим возражений, перебил его Александр Борисович и ткнул указательным пальцем в сторону Дениса: – Ваш начальник, ребятаки, вот здесь, при мне... когда это было? вчера? позавчера? заявил, что поиск машины генерала Реддвеля... или, как он его только что не без основания назвал, дяди Пита, ведь так?.. есть дело его личной чести, доблести и геройства. О чем мною лично было немедленно доложено заместителю генерального прокурора Меркулову и Вячеславу Ивановичу, то есть вашему шефу. И что привело их обоих, кстати, в восторг – ибо не каждый сыскарь в наше смутное время способен проявить столь высокую сознательность. Так о каком же, собственно, гонораре после этого может вообще идти речь, господа частные сыщики?! Нет, все-таки жадность однажды погубит вас, видит Бог!

– М-да... сели... – уныло покачал головой Сева. – Ну, начальник, век не забуду!

– Это поклеп! – живо возразил Денис. – Я и не думал клясться!

– Значит, я тебя неверно понял, – с ходу согласился Турецкий. – Однако существо дела от этого не меняется. Не могу же я теперь выглядеть невольным обманщиком в глазах ответственных товарищей? Ты об этом хоть подумал, нагло дезавуируя мою информацию?

Кажется, до сыщиков дошло, что это была обычная пикировка, а не сознательное навешивание тяжкой гири на причинное место сразу всей розыскной конторе. «Ребята» заулыбались: пахать за простое человеческое спасибо не хотел никто – рыночные отношения!

– Слушайте дальше, – продолжил Турецкий. – Вчера вечером Костя имел телефонный разговор с Питом. Могу обрадовать – гонорара у вас никакого не будет... – Александр Борисович выдержал паузу, оглядел вмиг потускневшие лица и сказал: – Но будет премия. Костя предложил ограничиться десятью тысячами баксов... – Опять возникла пауза. – А старина Пит, с трудом поверивший, что счастье еще возможно, не сдержал нахлынувших чувств и явно погорячился, пообещав заплатить... двенадцать.

Теперь уже народ насторожился.

– Мы подумали, – с серьезным видом продолжал Турецкий, – посоветались и решили со Славкой отказаться от своей доли гонорара. Мы пришли к выводу, что, хотя основная работа будет происходить у нас с ним вот тут, – он постучал себя согнутым указательным пальцем по лбу, – но бегать-то придется исключительно вам. А вот уже полянку вы нам накроете, да, никуда не денетесь... Опять же, если по чести, то, учитывая ваш нынешний состав – Сева, Николай, ты, Филя, Демидыч, ну и Денис с вечным Максом, – получается шесть человек. А двадцать на шесть никак не делится.

– Почему? Двенадцать – делится, – быстро поправил его самый сообразительный и самый тщедушный на вид Филипп Агеев.

– А при чем здесь двенадцать? – удивился Турецкий.

– Сам же назвал сумму! – почти возмутился Денис.

– Я-а-а? Двенадцать?! – Турецкий равнодушно пожал плечами. – Оговорился.

Общий вздох и смех были ему ответом.

– Ладно, хлопцы, пошутили – и будет, – махнул рукой Александр Борисович. – Но меня, скажу вам правду, почему-то не оставляет ощущение, что с этой тачкой мы еще крепко на-а... ну да, напляшемся... Но это уж, как говорится, чему быть, того не миновать. А теперь касательно фигурантов. Не исключаю, что они могут быть известны в местах особого скопления кавказских земляков. Рынки, другие торговые точки. Если так, то их должны знать в местных

отделах милиции. Только пусть Славка назовет вам верных людей, а то ведь слух о том, что разыскивают каких-то конкретных типов, разлетится вмиг. Это одна сторона дела. Теперь другая. Такой эксклюзив, как у Пита, нормальному человеку без надобности. Вы ж его видели, помните. Меня не оставляет мысль, что на машину был сделан специальный заказ. Штучная работа, другими словами. Вот и новый хозяин у этого джипа, подозреваю, должен иметь примерно ту же комплектацию, что и наш Пит. А таких деятелей у нас в Москве не так уж, наверное, и много. Если, разумеется, машина уже не летит себе куда-нибудь в кавказском направлении. Тогда сливаем воду. Задача понятна? Думаю, ребятки, на ближайшие дни я вас зарядил, что потребуется с моей стороны, говорите немедленно. То же самое и с Вячеславом. А теперь, если вопросов нет, давайте попробуем, пока еще день, прокатиться вместе с Эммой Леонидовной...

– Эмилией... – поправил Денис. – Дядь Сань, что-то ты, после разговора с ней «тет-натет», стал каким-то не в меру рассеянным, а? Нет?

– Остряк! – огрызнулся Турецкий. – Я-то ведь ее еще Эммой знавал... Давно было...

– Да уж... – с глубокомысленным пониманием подтвердил неутомимый Филя. – Как молоды мы были!.. Как искренне дружили!.. Прямо с парты, что ль, и снял, Сан Борисыч?

– А ну вас всех! Охальники!.. С кем дружу!.. При даме хоть сдержите свои... эти, языки! Стресс, можно сказать, у девушки.

– Сан Борисыч, ты нелогичен, – ухмыльнулся Филя, – наверное, еще и сам в себе не очень уверен, да? Она уже мадам или все еще девушка? Что тебе подсказывает твоя профессиональная память?

– У-у-у, жеребцы! – воскликнул Турецкий в ответ на громкое и дружное ржание. – Ничего святого! А ты, Филипп, пуще всех молчи! А то как развернусь! Ка-ак съезжу по отхожему месту!..

– Не надо, – смеясь, заметил Голованов. – Филя у нас нынче в форме. Давеча так приложил двоих качков, которым он почему-то не понравился, а оба покруче меня были, что пэпэ-эсники долго думали, кого вызывать – реанимацию или труповозку...

Отсмеявшись, Турецкий предложил:

– Ребята, вы тут сами решите, сколько народу надо. Может, всем действительно ехать незачем? Пока найдем, пока то, другое...

– А я не понимаю, чего мы себе голову ломаем! – вдруг воскликнул Филипп. – Автосервис на Волоколамке максимум двадцать минут от Кольца. Сейчас скажу Максиму, он залезет в свои файлы и выдаст нам всю информацию – кто, где, когда? А мы тут волну гоним!..

– Прав, – подтвердил Турецкий. – Вот что значит – человек в форме.

Компьютерщик Макс, человек непричесанный и обросший давно запущенной бородой, но явно претендующий на гениальность в своем хакерском призвании, скоро выдал нужную информацию. А тут как раз в помещение агентства вошла умопомрачительной красоты «девушка» Эмма в сопровождении почему-то несколько смущенного Николая Щербака, мужчины сухого и жилистого и обладающего, как было всем известно, недюжинной силой. Впрочем, этим качеством здесь, в агентстве, Бог никого не обошел.

Сыщики непроизвольно открыли рты, вероятно чтобы поприветствовать клиентку. Но так и застыли в почтительном молчании. В роскошной своей, ослепительно белой короткой песцовой шубке, в белых же высоких кожаных, почти мушкетерских, сапогах и со сверкающими круглыми коленками, Эмма казалась богиней Удачи, снизошедшей на минуточку с небес просто по ошибке – совсем не здесь было ее место, господы сыщики! Уж вы-то, земные, понимаешь, люди, могли бы это понять...

Не без определенного риска оставив контингент сотрудников общаться с клиенткой, Турецкий, Щербак и Денис вынужденно удалились в кабинет директора.

– Ну что там? – был первый вопрос.

– Я все проверил что мог – чисто, – ответил Николай. – Отсюда напрашивается вывод, что Эмилии Леонидовне пришлось иметь дело с обычной шпаной. Ну братвой, возможно, из тех, что на Кольце свои тачки лохам подставляют, а потом дерут с них по три шкуры.

– А почему тогда они все знали про ее супруга? – задумчиво спросил Денис.

– А потому, – ответил Турецкий, – что они сами... либо кто-то другой за них газеты читает. И телевизор смотрит. И не случайные наезды на трассе планирует – на кого, как говорится, флажок упадет, а готовит операцию заранее. Неужели ни одной прослушки?

– В доме – нет. В машине ее, в «тойоте», я одну снял. Не пугайтесь, – Щербак достал из кармана толстенькую металлическую шайбочку, – она уже не фурычит. Но между прочим, такая в Митине, на радиорынке, пятьсот баксов стоит.

– Ну вот, значит, сперва они Эмму вычислили, а потом просто отследили. Выбрали удобный для себя момент. «Хвоста» не было?

– Да она гоняет как сумасшедшая, – улыбнулся скупой на эмоции Щербак. – Сам едва догнал. Думаю, что если кто и пытался, то мы быстро потерялись. Маячок я снял и приотстал малость, чтоб посмотреть. Ехать бы нам, а то скоро темнеть начнет. Опять же искать еще...

– Макс уже назвал четыре адреса, – сказал Денис. – Ну пошли, решим, кто поедет...

Оказалось, что хватило менее пяти минут, чтобы все сотрудники, за исключением Макса, который в специальном своем помещении дневал и ночевал у компьютеров, пожелали ехать, чтобы немедленно, причем каждый лично, видимо в расчете на персональную благодарность, изловить преступников. Вот так! Действительно, красота – страшная сила. Почти убойная.

Денис посмотрел на это дело, улыбнулся и махнул рукой: валяйте, катитесь! А я уж, так и быть, посижу в офисе – мало ли какие вдруг вопросы возникнут. Кто-то должен оставаться на связи...

Глава третья

Первые разборки

1

Три машины неторопливо проследовали через Красногорск. Возле указанных Максом адресов притормаживали. Филя либо Щербак выходили поочередно из следующих за «тойотой» Эммы Фрадкиной «девяток» и заходили в мастерские, осматривались, возвращались. По описаниям Эммы, тот автосервис представлял собой довольно длинный металлический ангар, полукруглая крыша которого лежала на железных фермах – как на Киевском вокзале, только значительно меньших размеров. Пока ничего похожего не было. И еще все понимали, что, вероятно, везли Эмму не очень далеко и к тому же быстро. А в том состоянии, в котором она пребывала, разве можно точно определить время? Особенно когда с обоих боков сжимают здоровенные амбалы, а половина твоего лица залеплена пластырем... Да нет, что говорить, сейчас можно взять исключительно методичным подходом. Ехать и ничего не пропускать.

Нечто похожее на то, куда привезли женщину ее мучители, обнаружили при въезде в Опалиху. Эмма сказала, что, кажется, узнает этот длинный, грязный забор. И металлические конструкции были похожи на те, что ей уже довелось видеть.

Машины въехали во двор. Ребята вышли. Выбрался из-за руля «тойоты» и Александр Борисович – он вел машину. Эмма же осталась сидеть за притемненными стеклами, наблюдая изнутри. Вид у приехавших был вполне разбойный. На то недвусмысленно указывали крупные, словно специально накачанные фигуры Голованова и Демидова, да еще толстые цепи желтого металла на их открытых крепких шеях. А работники сервиса, определенно имевшие с братвой дела, уже и не сомневались, что это очередная дорожная разборка.

Слева, из помещения, где, видимо, оформлялись документы, вышел невысокий, жирный деятель в зеленом пуховике с капюшоном. Лет ему было не больше сорока. Сытый весь такой, краснощекий, и явно не от холода. В руках держал папку с бумагами и большой калькулятор. Ну то есть все готово для немедленной оценки понесенных братанами убытков, отметил Турецкий. Александр Борисович стоял особняком от своих, изображая, как договорились, хозяина «тойоты».

Ни слова не произнося, оценщик, по определению Турецкого, кивнув браткам, но не ему, обошел машины, оглядывая их со всех сторон. Вероятно, отсутствие вмятин, свежих царапин и вообще каких-либо следов наезда, столкновения его несколько озадачило. Он подошел именно к Голованову, выглядевшему здесь главным, а вовсе не к Турецкому, и спросил негромко:

– Какие проблемы?

Услышав стук по боковому стеклу «тойоты», Турецкий нагнулся и увидел, что Эмма быстро-быстро кивала ему. Приоткрыв дверь, он услышал ее испуганный и сдавленный шепот:

– Это он, я узнала, тот самый гад, который сказал про десять тысяч! Я его узнала! Сашенька, – взмолилась она, – сделай с ним что-нибудь!..

– Сиди молча и не высовывайся, пока не позовем, – одними губами сурово ответил Александр Борисович и захлопнул дверь.

– Да видел я уже эту тачку! – говорил между тем оценщик. – Даже помню, что дамочка, которая за рулем тогда сидела, на десять кусков налетела. Но это ж когда было! Больше месяца назад! А от меня-то вам чего сейчас надо?

– А вот это мы от тебя и узнаем, – грубо ответил Голованов и кивнул на строение слева: – Айда в твою собачью будку, и ты – тоже, – кивнул он Турецкому. – Стрелка щас будет...

Дальше произошло следующее. Демидыч тоже грубовато подтолкнул Турецкого: иди, мол, куда старший приказывает. Турецкий понуро пошел. А Филя с Щербаком остались у машин – сторожить. Но тут почему-то заволновался оценщик – колобком выскочив вперед, он замахал руками в сторону небольшого своего ангара, под полукруглой крышей которого и производился ремонт машин. Но Голованов легко отстранил его с дороги и рывком распахнул дверь в будку, что-то вроде строительной каптерки или бытовки. И даже отшатнулся, такой тяжкий дух рванул оттуда.

За столом, застланным газетой, сидели пятеро мастеров в грязных комбинезонах и жрали водку. Не пили там, не закусывали, а, судя по их виду, именно жрали. Ну да, время к концу дня, клиентуры никакой, да и кто им, таким вот, доверит свою тачку? Под навесом, кроме нескольких остовов разобранных на запчасти машин, других, нуждающихся в их «автосервисе», не было. Хотя ворота открыты настежь – заезжай, не хочу! Понятное дело.

– А ну брысь все отсюда! – громогласно заявил Сева. – Базар будет не для ваших, блин, ушей!

Пьяниц словно ветром сдуло.

– Убери! – Сева толкнул оценщика в спину так, что тот влетел в свою бытовку и едва не растянулся на полу. Но команду выполнил шустро, то есть сгреб газету вместе со всем, что на ней находилось, и перенес в угол, на какой-то ящик. При этом он не спускал с Голованова испуганно-вопросительного взгляда.

Расселись вокруг старого конторского стола.

– Говоришь – помнишь эту тачку? – строго спросил Сева у оценщика, и тот послушно кивнул. – А вот хозяин ее, – Сева взглядом показал на Турецкого, – базарит, что все лажа! Если он залетел на десять кусков «зелени», да еще под счетчик, как ты, блин, определил тут, от того «мерина» должна была только рулевая колонка остаться! А его шмара... А ты молчи! – рывкнул он ни с того ни с сего на понурого Турецкого. – Она, блин, утверждает – понял? – что там было слегка левое заднее крыло поцарапано! И тачка та – битая-перебитая. Ты чего, падла, подставу нам лепишь, а?

Грозный вид Голованова подействовал, конечно, но не настолько, чтобы хозяин этой конторы сильно перепугался. Видать, у него была своя «крыша». Нехорошо, что так получилось, но он-то при чем?

– А вы, простите, кто такие? – робко поинтересовался он, пряча вовсе не испуганные глазки.

– Его «крыша»! – Сева кивнул на Турецкого. – Ну чего будем делать? Залетел ты, однако, братан, вот что, – сказал Сева оценщику. – На твою «крышу» мы, конечно, положили, а ты давай отстегивай чего тогда насчитал. – Сева радостно осклабился, и ему ответил такой же довольной ухмылкой Демидыч. – Выкладывай, а то и тебя на счетчик поставим.

– Братаны! – вдруг взмолился оценщик. – Богом клянусь, откуда у меня такие бабки?!

– А нас это не... – очень грубо выразился Сева и заржал. И Демидыч снова охотно поддержал своего братана. – Не хочешь платить, с собой заберем. Есть у нас тоже будка, но поменьше твоей, Пират, блин, в ней на цепи сидит. Вот и посидите вдвоем, пока надумаешь...

Хозяин автосервиса отлично понимал, что влип. И что эти громылы шутить не намерены, поскольку, оказывается, все им вообще известно, и про «мерседес» тот, в частности. А если чего они еще не знают, так узнают, и тогда... Нет, не хотел он этого «и тогда». Поэтому только и решился приоткрыть правду, может, поймут и отстанут? Хотя в то, что отстанут, почему-то не верил. И он заговорил тихим, почти неслышным голосом, будто боялся громко называть тех, кто, собственно, и является в настоящий момент его «крышей».

Из его невнятной речи все поняли, что собственно сервис – это так, для отвода глаз. А обслуживает контора клиентов, попадающих в такие вот ситуации – наезды, столкновения и так далее. Работает здесь в основном таганская братва, это их бизнес – практически по всему

Кольцу. И контор, подобных этой, тоже несколько – чтоб быстро решать проблемы братков. Цену за наезд, кстати, назначают они сами, поэтому и спорить тут не приходится. Иногда, если клиент не согласен, его маленько обрабатывают... Последнее оценщик сказал как бы между прочим, небрежно.

– К этому мы тоже подойдем, – неожиданно «обрадовал» его Сева. – Как зовут тех, которые тогда приезжали?

– Да откуда ж мне знать? – неискренне изумился оценщик.

– Значит, ты пашешь, даже не зная на кого? Давай вешай лапшу кому другому! Доставай свою бухгалтерию и ищи, блин! Номер ищи того «мерса», если так не помнишь, кто хозяева тачки! А то смотри сам... щас тебя в ту же кладовку отведем и раком поставим, есть у нас один любитель, во дворе ждет, Колюней зовем, а, Вован? – обратился Сева к Демидычу. – Сходи кликни его, пусть оценит эту пышечку! – И Сева с маху так шлепнул хозяина бытовки открытой ладонью по пухлой заднице, что тот пушинкой слетел со стула и в буквальном смысле рухнул на пол.

Но Демидыч одной рукой подхватил его за шиворот, да так, что затрещал капюшон пуховой куртки, и грубо усадил обратно на стул.

– Куда ты? – ощерился он. – Посиди с нами, рано еще! Вот Колюня придет, тогда и валяйте резвитесь, голуби! Ах-ха-ха!!

«Опять они заржали, эти озабоченные жеребцы!.. Ох влип! И про ту кладовку уже знают... Ну да, если шмара рассказала... Только чего ж они целый месяц-то телились?»

Какие бы идеи ни приходили на ум хозяину этого заведения, ясно было одно, придется сдавать таганских, эти не отвяжутся, наоборот, только хуже будет. Отморозки, чего с них взять? Но и тех сдать надо так, чтобы себе приговор не подписать, таганские уж точно чикаться не станут... И вот она наконец – спасительная мысль! А ведь они ж сами невольно и подсказали ее! Господи, как все просто!..

– Сейчас все найду... – заторопился вдруг оценщик. – Вы позволите?

Он открыл дверцу конторского шкафа, и оттуда вывалились на пол несколько пухлых папок, набитых документами, которые тут же рассыпались. Но хозяин не стал заниматься ими – пусть валяются на полу. Вытащил ящик стола и достал потрепанную конторскую книгу. Раскрыл, перелистал десятка три страниц, наконец ткнул пальцем – вот! Нашел.

– Если вы думаете, что у нас незаконно... – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, но Сева перебил его, на образном, матерном языке быстро и доходчиво объяснив, что он лично вообще думает и о законе, и об этой конторе, и заодно о ее говенном хозяине. – Но у меня здесь только запись, регистрация, так сказать... А копия квитанции где-то, наверное, там, – показал хозяин на разбросанные по полу бумаги.

– А на хрен нам твои квитанции? – Сева сплюнул. – Дай сюда книгу! Где? Вот эта?

Голованов посмотрел на запись, потом, захватив пальцами сразу несколько страниц, вырвал их из книги. Еще раз посмотрел, кивнул и, сложив, спрятал в карман кожаной куртки.

А сам Сева подумал: на кой черт им эта «законность»? Разве что на тот случай, если дело обернется вдруг таким вот образом. И неожиданно вмешается Закон. Чтоб остаться на плаву. Ну да, конечно, работа ведь бандитская, и если кто-то из тех вдруг «запоет» на следствии, так хоть какая-то отмазка... Не, мужики, у нас все по закону, вот и книга регистраций, и копии квитанций, выданных оценщиком уже якобы пострадавшим от рук других бандитов. И все остальное – но это уже для видимости. А на ту квитанцию было бы неплохо взглянуть – что он там перечислил, какие «жуткие» повреждения? Или выдал подлатанную развалюху за новье? Может быть, даже скорее всего, именно так и было...

– Ну как, – спросил Сева у присутствующих, – будем искать квитанцию? Или он сам нам тут все расскажет? Расскажешь, хмырь? Или снова просить надо? – Сева занес было руку для следующего шлепка, но оценщик поднял обе руки.

– Да она права, ваша э-э... – заторопился он. – Там не такие уж были повреждения, чтобы... Но когда они требуют... Ну что я могу противопоставить грубой силе?

– А ничего! – радостно подтвердил Демидыч и спросил у Сева: – Звать, что ль?

– погоди, – поморщился Голованов, чем пробудил даже некоторую надежду у оценщика: может, оставят в покое? Вдруг пронесет нелегкая? – Значит, выходит, сплошная лажа была? – сурово спросил Сева.

– В общем... да, – подтвердил оценщик.

– Ладно, – так же неожиданно просто согласился Сева, – с ними мы потом сами поговорим. Мобила есть?

– Вот, – испуганно и одновременно услужливо протянул телефонную трубку хозяин.

Сева взял и коротким ударом размозжил ее о край стола. Отшвырнул остатки корпуса в угол.

– Другую завтра купишь, – сказал спокойно. – Это чтоб ты раньше времени не звонил, не предупреждал, гнида, понял?

– Понял, – пискнул тот в отчаянье.

– А теперь... – Сева широко вздохнул, расправив руки и явив взору оценщика рубчатую рукоятку пистолета Макарова, заткнутого за пояс. – А теперь, говорю, будет базар за клиенток. Чего они тут с ними, значит, делают? Отвечай, а то... – Сева снова потянулся.

– Ну вы ж, господа, сами понимаете... Там есть кладовка, яркий свет, станок... для этого. Делают снимки, потом им же и продают. Бизнес такой.

– И часто?

– Что, простите?

– Часто, говорю, они у тебя тут кино снимают, а?

– Ну... если женщины... и... когда можно что-то получить. Нет, нечасто...

– Так как, ты сказал, зовут этих... кинорежиссеров-то?

– Я сказал? – ужаснулся оценщик. – Да я ж их не знаю! Клички только... Паленый, потом этот, Сига, и еще – Хомут. Он, наверное, главный у них. Здоровый такой, как... вы.

– Чьи они? – Сева мрачно уставился на хозяина.

– Говорили, таганские...

– Они что, только в твоём районе работают? Или в других местах тоже?

– Чаще, я думаю, здесь. Народ же в Шереметьево торопится, базар устраивать, торговаться некогда, вот и...

– А чего, удобно устроились! Когда они у тебя были в последний раз?

– Когда? Уж и забыл... На той неделе.

– Тоже с бабой?

– Нет, лоха на десять «штук» поймали... – ответил оценщик и поежился, словно поняв, что сболтнул по инерции лишнее.

– Ладно, не бзди... – поощрительно заметил Сева, поднимаясь. – Твоя задница нам еще пригодится. Пошли, что ли?

Но Демидыч приказал показать ему ту кладовку, где кино снимают. Хозяин открыл дверь в глубине бытовки, ведущую в другое помещение, показал, но Демидыч втолкнул его туда и сам вошел следом. А через минуту-другую оттуда донесся непонятный грохот, треск дерева, звон разбитого стекла. Зайцем выскочил хозяин, опасливо оглядываясь и прикрывая голову обеими руками, будто ему там уже перепало. Куртка его, во всяком случае, была будто расплосована ножом на две части. Следом появился и Демидыч, небрежно отряхивающий руки. На вопросительный взгляд Голованова, пожав плечами, сказал лениво:

– Да порядок там малость навел. Электричество убрал, то, другое... Диванчик вот у него совсем хилый оказался... Опять же гвозди торчат.

Сева хмыкнул – ну да, видать, именно порядок и навел, переломал там все к едрене фене и правильно сделал.

Они выбрались из тесного помещения во двор. Демидыч подошел к Щербаку и что-то сказал. оценщик не знал, о чем у них шла речь, но вздрогнул, когда увидел Колюню, который, сладострастно ухмыляясь и потирая от удовольствия ладони, направился прямо к нему. Бедняга хотел было метнуться в сторону, но Сева сзади дал ему пинка, и тот сам влетел в раскрытые объятия страшно опасного Щербака. Николай довольно расхохотался, крикнул и с такой силой сжал мужика, что у того затрещали кости. Подержал так, помотал его из стороны в сторону, наконец опустил на снег, и тот рухнул как подкошенный.

– Обгадился, кажись, – со смехом констатировал Филя, наблюдавший эту сцену со стороны. – Поехали? А то сами не отмоемся! И задохнемся от его вони!..

И они расселись по машинам, дружно и профессионально развернулись на дворе и укачали, оставив хозяина автосервиса, валяющегося в снегу, и его красномордых «работничков», опасно выглядывающих их-за ржавых остовов автомобилей в глубине ангара.

2

В агентстве «Глория» стоял неудержимый хохот. Напряжение уже отпустило. Обычно немногословный Всеволод Михайлович Голованов сдержанно живописал Эмилии Леонидовне сцену допроса, и она смеялась до слез, представляя, что чувствовал тот засранец, когда пригрозили отдать его в руки Коли Щербака. Финал же она наблюдала сама, хотя тогда ничего не поняла.

Это и хорошо и правильно. Надо было, чтоб женщина полностью отрешилась от любых воспоминаний о насилии, учиненном над нею. Другими словами, все, что когда-то было, теперь, по прошествии времени, благополучно превращалось в дурацкий анекдот. Такой вот легкий психологический этюд. Раз смеется, имея в виду отчасти уже и себя самое, значит, все в порядке, пациент будет жить.

Но вставала другая проблема – защита «пациента». Если этот жирный козел все-таки рискнет и сообщит своим бандитам о наезде, те среагируют мгновенно. И тогда надо ожидать от них любых пакостей. Так вот, следует успеть предупредить их возможные действия. Однако для этого требовалось еще одно важное условие. Эмма должна окончательно успокоиться, отбросить все свои волнения по поводу того, узнает ли что-то ее муж или не узнает, и быть уверенной в том, что она находится под неусыпной защитой охраны. А уж они в свою очередь всегда сумеют объяснить ревнивому супругу суть происходящего, если он сам до сих пор этого не понимает. Таким образом, действительно, ни с одной стороны у нее нет причин для страхов. Ну а с бандитами надо общаться только так, как уже договорились. Тем более что она ничего не знает по поводу посещения автосервиса, она нигде не светила, значит, и вопросы к ней отпадают. Может, супруг ездил, она же ничего не знает. А если он уже ездил, так какой вообще тогда разговор о деньгах?

Но последнее – лишь в том случае, если об этом речь пойдет. А не пойдет, тогда как договорились...

Пока шли все эти споры-разговоры, Денис позвонил дядьке в МУР. Тот оказался, несмотря на довольно поздний час, еще на месте.

– Мне дай, – сказал Турецкий, протягивая руку к трубке, и продолжил: – Слушай, Слав, скажи там своим, чтоб они для меня пошерстили таганскую группировку, понимаешь? Нужны пока трое – Хомут, Паленый и Сига, первая буква «эс» – скотина, понял? Все, что на эту братию имеется. А если, не дай бог, еще и адресочки обнаружатся, тогда считай, что ты вообще просто за так, безвозмездно, заработал наше нижайшее сыщицкое спасибо. Ничего сформулировал?

– Да уж чую! – засмеялся и Грязнов-старший. – А с чем связано, просто для размышления?

– Есть тут, понимаешь ли... – неохотно промямлил Турецкий, не собираясь посвящать Грязнова в это дело.

– Я скажу... – вдруг вклинилась Эмма, но Турецкий немедленно зажал микрофон трубки ладонью, поднял указательный палец к губам и страшными глазами посмотрел на нее.

– Кто это у тебя там, никак женский пол? – подозрительно спросил Грязнов.

– Да телевизор, Славка. Выключил уже! – а Эмме показал кулак, и она прыснула от смеха в ладошки-лодочки. – Сделай милость. Неплохо бы завтра с утра пораньше, а? – и теперь уже выразительно посмотрел на сыщиков.

– Попробую, если кто-нибудь еще остался тут...

Турецкий услышал, как Вячеслав стал звонить по внутреннему телефону, потом глухо разговаривал с кем-то, – видно, тоже зажал микрофон городской трубки в ладони. Наконец сказал, что с утра, возможно, и не получится, но в первой половине дня обязательно найдут.

– Заскочить нет желания? – спросил Грязнов с некоторой надеждой. Ну понятное дело...

– К сожалению, еще дела, Славка.

– Ну что ж, тогда до завтра. Да, а куда ребят гонял? Чего-то Дениска темнит, понимаешь...

– Все по той же теме. Завтра расскажу. – Он отдал трубку Денису и повернулся к Эмме: – А вам, мадам, на будущее... Если чего вспомнила – молодец. Держи при себе, пока не спросим. А вылезать вот так – это не дело, девушка. Поняла?... Так чего вспомнила-то? Вот теперь можешь говорить. Слушаем.

– Я, кажется, поняла, о чем вы думаете. Я и сама сперва решила, что нападение на меня... каким-то образом связано с Мишей. Но когда он появился дома, стал рассказывать... немного, – спохватилась она, – как его содержали там... Он сказал, к отопительной батарее в подвале наручниками пристегнули и даже умыться ни разу толком не разрешили. А про душ там, ванную вообще речи не было. Далеко держали, за городом, потому что везли долго. И еще он сказал, что это было связано с его работой. Вот тогда я и успокоилась. В первый раз нормально заснула, а то все на таблетках... Но они, эти, что на меня наехали, конечно, знали про него. Ну в смысле что из меня можно вытянуть много денег.

– Мы уже и так поняли. Кстати, я почти уверен, что они и впредь не отвяжутся, а будут продолжать доить. Может, не внаглую, как сейчас, но покоя не дадут.

– Эт точно, – солидно подтвердил Денис. – Поэтому решение наше должно быть в определенной степени радикальным. Давайте заканчивать дела. Кто сегодня охраняет нашу клиентку, господа сыщики?

– В зависимости от того, где она ночует, – уточнил Турецкий. – Если в Раздорах, то там ей охрана не нужна. Только до и обратно.

– Нет, я сегодня в Москве, – возразила Эмма. – Миша в курсе. Он, кстати, настаивал на своей охране, но я отказалась, наверное, зря, да?

– Тут все зависит от того, – сказал Филипп, – кто и как вас собирается защищать, Эмилия Леонидовна. Надо ведь защищать не вообще, а конкретно от кого-то. Или от чего-то, понимаете? Как там с замками-то? – спросил он у Щербака.

– Для специалиста – не проблема, а вообще – дураков же нет – ломиться среди ночи в элитный дом! Там и внизу солидная охрана имеется. Лично меня только что рентгеном не просветили, когда впускали.

– Ну это все, положим, понты... Но если вы считаете...

– Ладно, хлопцы, – сказал Турецкий, поднимаясь, – отдыхайте до завтра, я, пожалуй, так и быть, сам уж довезу Эмилию до ее домовой охраны и сдам с рук на руки, чтобы все сегодня

спали спокойно. А завтра с утра начнем следующую «разборку». У меня кое-что созрело в башке, утром обсудим. Давайте по коням, а то и в самом деле поздно.

Его решительный и спокойный тон с ходу отмел все шуточки-прибауточки, но не убрал лукавых улыбок с лиц «господ сыщиков». Ну пускай уж потешатся! Все равно ехать-то придется в разных машинах, поскольку «десятка» Турецкого с самого утра стоит здесь, в служебном дворе «Глории», а Эмма весь день проездила на собственной «тойоте». Осталось лишь внятно объяснить «девушке», чтоб она не гнала как сумасшедшая и почаще оглядывалась. Задача, хоть и не из сложных.

Народ дружно проводил «гостей» до служебного выхода, не без хулиганского подтекста пожелав «спокойной ночи». Турецкий только головой качал – совсем раздухарилась публика!

Выслушав наказ Александра Борисовича и послушно пообещав строго выполнять все без исключения его пункты, Эмма тем не менее очень удивилась. Усадив ее за руль и захлопнув дверцу, Турецкий, вместо того чтобы обойти машину кругом и сесть на правое сиденье, рядом с очаровательным водителем, заранее обнажившим свои превосходные ножи, взял да и направился к своей «Ладе»!

– Эй! – закричала дама, торопливо опуская боковое стекло. – Мы так не договаривались!

– А о чем мы вообще договаривались? – пожал плечами Турецкий, возвращаясь к ее машине. – У меня завтра, ты слышала, с раннего утра работа. Ночевать сегодня я собираюсь дома, где жена и дочь ждут не дождутся своего пропащего папочку. Тебе тоже надо отдохнуть от лекарств. Опять же и охрана в доме... Видишь, сколько препятствий?

– Перестань полоскать мне мозги! Чтобы все это было для тебя непреодолимыми препятствиями?! Ври кому-нибудь другому! И потом, кто сказал, что я зову тебя ночевать? Ишь обрадовался!

– Я, возможно, и обрадовался бы, – с сомнением в голосе ответил Турецкий, покручивая на пальце ключи от «Лады», – но у меня, увы, нет под рукой хотя бы небольшого лодочного сарайчика. А это уже нечто...

– Ну, в конце концов, лодочный сарайчик, не в том, конечно, виде, в котором он был лет с десяток назад, а что-нибудь напоминающее его, я, пожалуй, и сама смогла бы предложить. Как?

– Что – как? Ты спрашиваешь, хорошо это или плохо? Вопрос скорее философский. Помнишь, у древних было сказано, что в одну и ту же реку дважды не входят?

– Ну е-мое! – воскликнула она. – И кто вас всех, дураков, только учил?! Входят, еще как! И не дважды, а столько раз, сколько здоровье позволяет! А вот тонуть совсем необязательно... если ты и об этом успел уже подумать... Ну, не слышу ответа?

– А разве истинная мудрость требует какого-либо ответа вообще? Называй район, куда едем, и не шибко гони, мне ж тоже необходимо оглядываться. И еще... если тебе срочно понадобится что-то сказать, вот мой мобильник, нажмешь единичку. Только двушку не нажми, это Славка Грязнов, начальник МУРа, с которым я недавно разговаривал. Поехали. Куда?

– На Речной. Фестивальная.

– Ни хрена себе!

– Зато без помех...

И она рванула с места так, что Турецкий не без труда обнаружил ее только на Садовом кольце, на повороте в сторону Тверской, и дальше они понеслись, словно соревнуясь, кто быстрее ворвется в мифический уже теперь лодочный сарайчик...

3

На Фестивальной улице, на самом краю Москвы, проживала в длинной, многоподъездной пятиэтажке подруга, которую Эмма не смогла встретить в аэропорту в тот печальный для себя день. Собственно, сейчас-то подруга здесь не жила, это была ее квартира, а сама она снова

пребывала во Франции. Подруга Зина оказалась чрезвычайно интеллектуальной девушкой, в отличие от несколько легкомысленной Эммы, она переводила на русский язык Сартра и Камю, Франсуазу Саган и каких-то там новомодных французских литераторов. Огромных денег ей этот сизифов труд не приносил, зато радости, по словам свободной на язычок Эммы, имела полные штаны. Уж во Франции-то она в последнее время бывала гораздо чаще, нежели дома, в районе Речного вокзала.

Турецкому в принципе нравились интеллектуальные дома. Возможно, даже и по той простой причине, что их антураж – то есть пыльные, с позолоченными тиснениями книги, картины в черных резных рамах, старинная какая-нибудь мебель, вообще вся обстановка, весь дух старины и сосредоточенной мысли, – как правило, резко контрастировал с тем, что происходило здесь же рядом – на диванах, кроватях, да хоть бы и на полу. Ну как в том самом сарайчике, где хранились лодки. На тебя со всех сторон взирает вечность, а ты в это время... как бы выразиться помягче? А ты находишь все новые и новые, потрясающе убедительные доказательства того, что самое вечное на свете – это именно то, чем ты в настоящее время и занимаешься. А когда постижение истины еще и сильно ограничено во времени, тут вообще не успеваешь ни о чем рассуждать. Да и до рассуждений ли человеку, если кругом все горит?

Вот так, буквально в пожарном порядке, они и заторопились хотя бы отчасти пригасить восплававшую страсть. И, надо сказать, преуспели в этом благородном деле. Не ожидал от себя этакой молодецкой прыти Александр Борисович... ох, Сашенька!.. И от молодой плавчихи, про которую так ведь и забыл, покинув гостеприимный сарайчик возле лодочной станции под Гурзуфом, тоже, пожалуй, не ожидал... Чего только не случилось в жизни! А вот свела судьба, и, черт возьми, куда время девалось? В смысле твой возраст...

А когда, уже одетые, они в последний раз взасос прилипли друг к другу, она, оторвавшись наконец, сказала с какой-то хмельной улыбкой:

– А ведь ты меня, дружок, не разочаровал, не-ет...

– Значит, все-таки было опасение? – пытаюсь отдышаться, спросил Александр Борисович, чувствуя при этом, как на его невидимых в настоящий момент широких погонах сами собой появляются одна, другая, третья... множество генеральских звезд.

– Плевать на опасения! – безапелляционно заявила она. – Уже не помню. Знаю другое – я целый день только и думала о том, как заманю тебя сюда, а потом хоть трава не расти! Ты-то доволен, е-мое? А может, не будем торопиться? Меня лично никто не ждет...

– Оделись ведь уже, – нашел он подходящий аргумент.

– Так долго ли умеючи? – изумилась его непониманию она.

– Да как-то...

– А ты сегодня отрывался как в последний раз... Я знаю, на тебя подействовало то, как твои ребята глазели. И ревновал. Скажешь, нет? Или был все-таки уверен?

– В чем?

– Ну хотя бы в том, что твое от тебя не уйдет, а?

– Поразительная штука, – озадачился он. – Ты высказала сейчас единственную мысль, которая за весь сегодняшний день не приходила мне в голову... Веришь?

– Ах, значит, только сейчас пришла? Вернее, я ее подсказала? И небось на свою же голову?.. Или ты успокоился? Было бы очень жаль...

– Момент, – решительно сказал он, доставая из кармана телефонную трубку. Нажал двушку. – Вячеслав, ты еще не дрыхнешь? Тогда слушай меня внимательно. Твои подозрения сегодня, между прочим, были не лишены основания, каюсь. Просто я не мог правильно отреагировать в ту минуту – по ряду обстоятельств, которые, кстати, с тех пор не прояснились, а, напротив, усугубились. Я понятно говорю? – Он взглянул в расширенные зрачки Эммы, готовые брызнуть смехом, и продолжил так же серьезно: – Ты не заснул еще?

– Да слушаю! – раздраженно ответил Грязнов. – Ты бы лучше на часы поглядел, ирод! Первый час уже! А я старый и больной генерал...

– Все, понял, закругляюсь. Позвони ко мне домой и сообщи в телеграфном ключе, что я еду домой из глубокой провинции, куда сам же меня и усрал. Возможно, по пути заскочу на минутку к тебе, чтобы обсудить ряд неотложных проблем. Все. Объяснения нужны?

– Всерьез, что ли, хочешь приехать? – подозрительно тихо спросил Грязнов.

– Славка, милый!

– А-а-а! – воскликнул Вячеслав. – Ну ты и жук, Саня!.. Едешь-то хоть откуда? – это спросил уже деловым тоном.

– Сам придумай, но не забудь потом и мне сказать. Чтоб при случае не запутаться. А впрочем... из Твери!

– С вами все понятно, значит, где-нибудь в Химках, да? Ты гляди там у меня, про местных подруг даже думать не могли! Или я не отвечаю за твое дальнейшее здоровье! Я знаю, что говорю.

Эмма, прижимавшая свою щеку к щеке Турецкого, чтобы тоже слышать этот диалог, едва сдерживалась от хохота.

– Совет принят, – ответил Турецкий. – Не подведи, на тебя вся надежда. Утром пересечемся...

– Хулиганье вы, вот кто! – удовлетворенно заявила Эмма, со страстным стоном закидывая руки ему на шею.

– А то! – отозвался Александр, сбрасывая прямо на пол свою куртку и ее шубку и поднимая девушку на руки. А войдя в комнату, где было все уже ими же самими убрано и расставлено по привычным местам, посмотрел и сказал с некоторым даже злорадством: – Правильно говорят: не принял окончательного решения, не совершай ненужных телодвижений. Поэтому давай-ка, подружка, начнем все сначала и теперь уже не станем никуда торопиться, идет?

– Ага, медленно и с чувством глубокого удовлетворения – так, что ли?

– Можешь не иронизировать над нашим общим светлым прошлым. Между прочим, подлинное чувство глубокого удовлетворения только таким вот образом и достигается.

– Господи! В чьи сети я попала! Он еще и философ!

И это было ее последнее «открытие» в течение ближайших двух-трех часов. Потому как, что бы она по ходу дела ни выдумывала, позже оказывалось, что и это они уже однажды проходили. Давно. Опыт – великое дело. Когда-то этот самый опыт Александра Борисовича неожиданно упал на потрясающе плодородную почву. И теперь прошлое вернулось к нему, или, возможно, он сам неожиданно нырнул в свое прошлое, отсюда и все эмоции, все остальное...

А со стен, из-под застекленных рамок, бликующих от всполохов изредка проезжавших автомобилей, на их совершенно роскошное бесстыдство одобрительно поглядывали Франсуа Рабле, Ги де Мопассан и Анатолий Франс – других наверняка выдающихся личностей на портретах Турецкий просто не узнавал, но ему за глаза хватало и этих свидетелей такого разнужданного и упоительного наслаждения.

4

Александр Борисович заехал с утра на Петровку, 38, и коротко, без подробностей, изложил Грязнову причины, по которым ему понадобились данные на уголовников из таганской организованной преступной группировки.

Вячеслав в ответ пожал плечами и сказал, что сомневается, чтобы эти братки занимались таким промыслом, как примитивное окучивание неумелых водил на дороге. И протянул листок с компьютерной распечаткой. На ней значились три фамилии, клички, естественно, и краткие биографические справки, напоминавшие больше набор статей Уголовного кодекса. И первым,

среди равных, выступал Хомут – Хомутов Владимир Яковлевич, год рождения... место рождения – город Херсон... судимости... и так далее.

И проживал он, оказывается, относительно недалеко от того места, где проводил нынче бурное, как в забытой юности, время Александр Борисович. Только по другую сторону Химкинского водохранилища, в Тушине. Теперь и понятно, почему именно к этой части кольцевой автодороги господин Хомут со товарищи проявлял наибольший интерес – дом же фактически рядом с «работой». Ох, накажет тебя твоя хохлацкая лень, господин разбойничек! Где ж это видано, чтоб волк резал скот возле своего логова?.. Интересно, а другие откуда?

Грязнов кивнул – смотри ниже. А ниже шли не менее заслуженные «романтики с большой дороги» – Мурман Нугзарович Сигаладзе. – ух ты! москвич, юноша, в сущности, – всего двадцать два годика, в быту – Сига, чалившийся в недавнем прошлом по 161-й статье УК – «грабеж». И еще один совсем простой русский парень о двух судимостях по той же статье, поочередно пункт первый, а потом второй, – Петр Степанович Павлов, он же Паленый. Почему? Видимо, кличка навеяна проблемами внешности. Двое последних проживали аж в Новогирееве, совсем в противоположной стороне города.

– Так у них же тут сплошной интернационал! – воскликнул Турецкий. – Слушай, как ты думаешь, чего они в чужих краях разбойничают?

Он подошел к огромной карте Москвы, висевшей на стене кабинета Вячеслава Ивановича, и ткнул авторучкой в одно, другое, третье место.

– Смотри, где живут, а где эти пашут?

– Саня, у тебя несколько превратное представление об их работе. Ты наверняка считаешь, что если кто-то принадлежит к таганской преступной группировке, то он там же и окучивает? Никак нет, ваше благородие!

– Момент! – Турецкий поднял палец. – Мы уже однажды проходили эту тему. Носящий генеральские погоны есть не «благородие», а «превосходительство». Попрошу учесть в дальнейшем. Итак, ты говоришь: «Ваше превосходительство...» – ну а дальше-то что? По поводу твоих таганских?

Грязнов обеими руками вцепился в свои редкие и седеющие, когда-то рыжие кудри и застонал:

– Господи, прости и помилуй! С кем дела иметь приходится! А они, чтоб ты знал, вон Калугу в оборот взяли! И при чем здесь твоя география?! А к Большому кольцу и бабушкинские, и ореховские, и те же таганские давно уже тянутся. И это естественно, там же такая могучая инфраструктура! Сходятся федеральные, городские и областные интересы, крутятся гигантские денежные средства, это помимо бюджетных, что отпускаются на бесконечный ремонт и расширение полотна, на уборку, на освещение и так далее. Азербайджанцы, которые монополизировали всю нашу рыночную торговлю, теперь тоже на МКАД выбрались. Вот где главная-то проблема! Ты представь: междугородные и международные перевозки, бесчисленные трейлеры и, значит, мотели, стоянки, кафе всякие, автозаправки, бензиновые махинации, соответственно вокруг всего этого проституция, грабежи, убийства... А всевозможные поборы со стороны всех кому не лень?.. Держать в руках Большое кольцо, Саня, это иметь гигантский бизнес.

Турецкий развел руки в стороны, демонстрируя, что он прямо-таки поражен осведомленностью своего лучшего друга, тоже, кстати, «его превосходительства».

– Потрясающе! И блистательный МУР, зная все это, палец о палец не ударяет, чтобы навести хотя бы мало-мальский порядок? А как же все-таки таганские? Их-то кто пускает на МКАД?

– Элементарно, Саня. Вообще-то бытует мнение, будто эти твои подставлялы, как ты их называешь, входят в состав влиятельных преступных группировок. Так вот, можешь мне поверить, что слухи, которые они, возможно, и сами о себе распространяют, всерьез ни на чем

не основаны. Нет, я не могу исключить, что на кольце действуют многие преступные группировки, хрен их знает, Саня. Но по нашим данным, они главным образом «крышуют» этих ловцов лохов. А те просто платят им – в среднем, по два куска «зелени» в месяц с каждой машины. Не такие уж и огромные деньги. А теперь давай посмотрим, кто они такие, твои подставлялы? Лично я считаю, что это парни, которые просто запутались в жизни, выбрали неправильные жизненные ориентиры. И не одни они в том виноваты, а виновато все общество, тебе известна эта моя точка зрения. Каков, извини, поп, таков и приход, не нами придумано, между прочим. По их уровню? Думаешь, там действительно пахнет серьезными преступлениями? Нет, их уровень – это те же уличные лохотронщики, наперсточники всякие. Кто тебя заставляет играть с ними? Никто, вот и не лезь. А полез, так не жалуйся, что тебя облапошили. Та же самая история приключается с нашим обывателем и на дорогах. Не умеешь водить машину, не лезь в левый ряд, верно? Ты ж ведь без острой нужды не демонстрируешь на дороге свой высокий профессионализм, верно? И я тоже.

– А тебе и не надо, за тебя мигалка работает. Все, может, и так, но мне не нравятся, Славка, твои слишком спокойные, я бы даже сказал – умиротворенные, рассуждения. Но это до поры, увидишь сам!

– А что мне делать, руки заламывать? Какие проблемы-то? Там же ДПС, ППС, представители страховых агентств, медслужбы! Целая армия! Куда они все смотрят? У меня и народу не хватает – по каждому пустяку людей гонять. Уж если откуда и начинать чистку, так именно с них! Коррупция, говоришь? Вот-вот, только не мое это дело, а министра. Ты не путай, Саня, ведомства... А насчет уголовщины... Доложу тебе, кстати, что подставлялы не прибегают к насилию. Ну сам подумай, зачем им иметь скорые неприятности с законом, когда можно снимать бабки просто так? Ну на испуг берут. А ты не пугайся. Ты ведь закон знаешь – вызывай госавтоинспекцию, составляй акт. Виноват – заплатишь, а нет – так разберутся с этими кидалами. Все от тебя зависит, в конечном счете сам не будь дураком. Вот такая, Саня, картинка. А то привыкли, понимаешь, чтоб ему няньки кругом... на каждый чих... Не вижу проблемы. Скорее, все наши громкие возмущения проистекают из собственной же обывательской беспечности, не больше. Это мое глубокое мнение...

– А жертвы свои они, по-твоему, и пальцем не трогают? Не насилуют, не шантажируют, на счетчик не ставят... агнцы, да?

– Зачем же так упрощать? – Грязнов усмехнулся. – В каждом деле бывают и свои исключения... Я знаю много примеров, когда жертва поначалу и сама не очень возражала, а потом на чем-то не сошлись. Трахнули и кинули, а! Всяко случается.

– Ну да, и эти трое, что из твоей картотеки, неоднократно судимые, они тоже, бедные, несчастные, с хлеба на водку перебиваются?

– Зря иронизируешь, друг мой! – ухмыльнулся Грязнов. – Ты прикинь их расходы на бесконечный ремонт своих битых-перебитых тачек, которые должны выглядеть презентабельно, иначе легко и нарваться... «Крыша», я говорил, тоже серьезных денег стоит, то, другое... Опять же наверняка и патрульным службам отстегивают, чего глаза-то на правду закрывать? Кругом получают траты. Зато имеем возможность кинуть силы на особо опасные, показатели снизить... Я ж повторяю, проблемы нет, однажды вернемся и быстренько наведем порядок... в танковых войсках. И чем тебе ребятишек Дениски отвлекать, пусть бы они лучше джипом Питы занялись. Хоть приличные бабки заработают...

– Одно другому не мешает, дяденька, – вздохнул Турецкий. – А мерзавцев всегда надо наказывать. И вообще, Вячеслав, по-моему, ты не хочешь понять одной простой вещи. Вот сегодня ты плюешь со своего высокого кресла на подставлял, но смотри, как бы завтра не пришлось выдергивать остатки своей жалкой растительности. Это я про твою шикарную шевелюру.

– Нахал ты, Саня, но я не обижаюсь, поскольку ты всегда был нахалом, который исправлению не подлежит... Нет, ты не гляди на меня с укором, понимаешь, я ж не возражаю, что насильников надо наказывать, верно? Но опять же есть закон. Пиши заявление, разберемся. А без заявления? Несерьезно это, Саня, поверь мне, старому, седому человеку. Зато твоя активность в данном вопросе...

– Ладно-ладно, – перебив его, отмахнулся Турецкий, – не надо с больной головы на здоровую. Вот когда коррупция на этом Кольце возьмет и тебя за это самое, помянешь мое слово. В конце концов, мое дело – «высокопоставленные трупы», которых мне всегда хватало. И пока на твоём Кольце не отстреливают VIP-персон, мне там делать нечего. Но троих этих гадов мы все-таки прищучим. И полагаю, что твоя помощь на этот раз нам не понадобится – без тебя обойдемся. Пойду, однако...

Но Вячеслава занимал личный интерес, и он попытался, что называется, на ходу прояснить для себя чисто «дамский» вопрос: во сколько «их превосходительство» Саня изволили прибыть нынче домой? Но Турецкий был уже деловит и застегнут на все пуговицы, как если бы с утра надел свой важный прокурорский китель. И ответ был кратким, но исчерпывающим:

– Непоздно. Где-то в районе четырех-пяти. Народ, естественно, спал.

– Ага, скорее рано. Слушай-ка, а сколько той бабочке лет? – не отставал Вячеслав.

– Ты о жертве?

– Да при чем здесь жертва? Ты где вообще-то был?

– А-ах, ты о рыбке? – заулыбался Турецкий. – Извини, это она меня уверяла, будто угодила в сети... Уверяла, что около тридцати, но, судя по опыту, Славка, на все тридцать два. В паспорт я не смотрел.

– У-у-у, это серьезно! – протянул со значением Грязнов и вернулся к прежней теме: – Ну иди, с тобой все понятно. Кстати, что собираешься с теми братанами делать? Смотри мне, чтоб без уголовщины! Санкция есть? Нет у тебя никакой санкции.

– Да не бойсь, будем только вопросы спрашивать, – ерническим тоном ответил Турецкий.. – А задерживать их у нас и у самих нет ни малейшего желания. Разве что в крайнем случае. Но по рылу они у нас обязательно схлопочут. Хотя в принципе им запросто можно и групповуху пришить. За то, что женщину сильно оскорбляли. Только на такой ход вряд ли она согласится, ей огласка совершенно не нужна. Между прочим, это супруга того самого Фрадкина, по поводу которого тут у тебя печалился наш бедный друг Василий Иванович.

– Эва, куда вас, ребятки, занесло! Погоди, погоди! Я что-то не совсем врубаюсь... А чего ж ты тогда всю дорогу темнил? Слушай, – просиял вдруг Грязнов, – а это, часом, не... а? Тверь, понимаешь, туда – сюда... нет? Слова там всякие?..

– Твои любознательность и догадливость, Вячеслав, делают тебе честь. Долго же ты, однако, соображал, меня даже зависть взяла. Что теперь тебе ответить, друг мой, – передразнил Грязнова Турецкий. – Ну камень так лег... карта выпала. Кстати, чтоб ты дальше не мучился вопросами, похищение Фрадкина и наезд на его супругу, по моему убеждению, ничего общего между собой не имеют. И нашему с тобой младшему другу Васе Чижову ничего путного мы доложить не можем. Перебьется. Но в данном случае эти «хомуты с сигами» поставили даму на счетчик. А тебе известно, что в стремлении к бесплатным благодеяниям я не замечен, но за оскорбление пасть порву, знаешь ведь за мной такой грех?

– Хм, благодетель... Видели мы таких, понимаешь, благодетелей... Скажи уж честно, баба приглянулась?..

– Эта баба, как ты посмел обозвать красавицу, приглянулась мне еще десять лет назад, и безуспешно, – парировал Турецкий. – Поэтому давай закончим пошлую дискуссию, ибо, если бы ты ее увидел, выглядел бы точно так же, как вся твоя подшефная «Глория», старик. Не ленись, спроси у них, вот тебе мой дружеский совет. Адреса я, с твоего разрешения, забираю, ребятки смотаются и посмотрят, что это за гоп-компания... Мое почтение!

И Турецкий удалился, напевая не без вызова: «У нас компания веселая такая, приготовьте нам отдельный кабинет...»

Глава четвертая «Таганка, зачем сгубила ты меня?..»

1

Компьютерный бродяга Макс сделал всем сюрприз.

Когда Турецкий прибыл в «Глорию», его глазам предстала редкая в здешних краях картина: Макс сидел в окружении сыщиков, пил из огромной кружки кофе и жевал попкорн, крошками которого была усыпана его расхристанная борода. А все остальные с живым интересом читали, передавая друг другу, отдельные листы, довольно-таки объемную распечатку. Они потеснились вокруг стола, давая место и Турецкому.

– Чем заняты? – поинтересовался Александр Борисович, доставая собственную распечатку от Грязнова-старшего и торжественно демонстрируя ее присутствующим. – Прошу! Домашние адреса наших «хомутов с сигами». А у вас что такое?

– Пошли в мой кабинет, дядь Сань, – сказал Денис, – оставь им, пусть посмотрят, а у меня есть копия этого... – он кивнул на листы, которые изучали его сотрудники. – Пойдем, я тебе все объясню.

И когда они уселись друг против друга, Денис раскрыл папку с наиболее актуальными, как он их называл, в данный момент документами и протянул десяток страниц текста – копию того, что читали сыщики.

– И что ж это такое? – Турецкий с сомнением посмотрел на убористый компьютерный текст и какие-то цифры.

– А это то самое, дядь Сань, что нам нужно. Вот послушай, я тебе вкратце изложу, а ты пока полистай...

Уже после нескольких предваряющих фраз Турецкий понял, что Макс обнаружил в буквальном смысле золотую жилу. А еще он подумал, что для Вячеслава Ивановича сей материал был бы весомым ударом по его генеральской точке зрения на те проблемы, которые они практически только что вдвоем обсуждали.

Итак, правоохранительные органы до сих пор не обращали, да и сейчас тоже не очень-то обращают внимание на такой новый вид преступлений, как подстава автомашин на дорогах. По милицейской статистике, этот своеобразный дорожный рэкет занимает во всей массе правонарушений какие-то жалкие пять с половиной процентов, ну, может, чуть-чуть больше. И на фоне практически нераскрываемых заказных убийств, ограблений, воровства и мошенничества, бандитизма, едва ли не легальной проституции и торговли наркотиками, можно сказать и больше – на фоне и государственного рэкета, преступления дорожных подставял кажутся не такими уж и страшными. Потому что все их жуткие угрозы, которыми страшат друг дружку обыватели, не более как ловко и по-своему талантливо разыгранные спектакли. И если ты – законопослушный гражданин, который, прежде чем сесть за руль собственного крутого авто, научился хорошо его водить, если ты знаком с правилами дорожного движения и своими гражданскими правами, тебе нечего и некого бояться. Попал в ДТП, доставай телефон, обращайся по конкретному адресу, а не к случайным службам, оказавшимся в этот момент рядом. Запиши номера машин, потребуй предъявить документы... Очень логично, ну прямо по Грязнову-старшему!..

Такова, кстати, государственная точка зрения, которую весьма охотно разделяют и правоохранительные службы. Короче, сам не будь лохом, иначе говоря, дураком...

А как все это выглядит на самом деле, в реальной обстановке?

Именно это и продемонстрировала своим рассказом Эмилия Леонидовна, на которую с ходу напали и бандиты, и их верные помощники из правоохранительных органов, и где уж там было сохранять полное спокойствие и демонстрировать свою гражданскую волю?!

То есть следует вывод: государство верит либо уверяет, что оно верит, в одно, а жизнь демонстрирует полностью противоположное. Как чаще всего и бывает на самом деле...

Так вот, государство не хочет прийти на помощь жертве дорожного рэкета, а обращаться пострадавшему практически некуда, ибо его заявление никто не регистрирует, но если это даже и случится – скажем, жертва окажется слишком настойчивой, – то искать преступника все равно не станет. В чем причина? А все в той же, неохотно признаваемой высокими должностными лицами повсеместной коррупции в рядах блюстителей закона.

И когда жертвы подставлял это наконец отчетливо поняли, они решили, что иного способа борьбы с дорожными бандитами нет, кроме как общими, совместными усилиями всех пострадавших.

А дальше случилось следующее. Бродяга Макс, будучи в курсе тех проблем, которые в настоящий момент встали перед сыщиками «Глории», вспомнил, что уже где-то что-то видел, связанное с вышеуказанной проблемой. Дальнейшее было чистой техникой. Он скоро отыскал специализированный сайт, который открыло «Содружество пострадавших автолюбителей». Сюда и стекалась информация обо всех подставных ДТП, которая на сегодняшний день составила достаточно приличную базу данных о тех машинах и водителях, которые провоцируют столкновения на трассах. Тут же указывались и марки автомобилей, их цвет и госномера, наиболее заметные повреждения, оставшиеся от предыдущих подстав, некоторые характеристики водителей и так далее.

Чего сегодня больше всего боится преступник? Гласности. Ну так и нате вам эту гласность – в полном объеме! И вот уже появились сведения, что подставляли явно забеспокоились. А если вдруг во время разборки ДТП останавливается посторонняя машина и ее водитель начинает подсказывать жертве, как себя вести с наглыми рэкетирами, эти последние иной раз предпочитают покинуть место столкновения, не закончив своего базара. Нечасто, скорее даже очень редко, но бывает такое. Стало также известно, что на сайт, созданный пострадавшими для обмена взаимной информацией, нередко заходит и ГИБДД, а с какими целями, пока ответа нет.

«Вот что тебе надо посмотреть, Вячеслав Иванович, – думал Турецкий, просматривая подробную распечатку материалов, сделанную Максом, и одновременно слушая соображения Дениса. – Мальчишки, не нашедшие себе профессию по душе, да? А совершенно новую мафию ты не хочешь? Это ж еще только начало, но уже видна опытная, грамотная рука. И статистики здесь тоже нет реальной, поскольку никто и не стремится повесить себе на шею бесконечные висяки. Да и зачем вешать, если тебе постоянно отстегивают твою долю – за полное неведение...»

– Итак, что мы с тобой имеем, Дениска?

– Ответ, дядь Сань, на последних страницах. Ты все не читай, там много беллетристики.

А в конце – самая фактура.

Турецкий заглянул с конца и увидел несколько строк, выделенных ярко-желтым фломастером.

– Оно самое, – кивнул Денис, – посмотри, а я пойду к ребятам.

– Ну надо же! – улыбнувшись, сказал себе Турецкий. – Именно то, что и требовалось...

Он стал читать.

«Внутренняя сторона МКАД между Ленинградским и Рублевским шоссе. Работают темно-зеленый джип „гранд-чероки“, госномер „с 721 уе 99“, и черный „мерседес“ С-класса, универсал, госномер „м 375 ну 90“. Сгоняет джип. „Мерседес“ ловит на перестроении и под-

ставляется. Потрепан задний бампер и заметно потерты левые крылья. В машине трое, типа качки».

– Ну вот, а то нет информации! – довольно сказал себе Турецкий и вышел к остальным.

– Серьезные дяди, – встретил его Филипп Агеев, кивая на распечатку. – Где будем брать? Если по домам, могут появиться трудности, никто ж не знает, когда они являются, а это, извините, какие концы! Тушино, Новогиреево... Лучше бы на работе. На трассе.

– Можно подумать, что они с утра до вечера на своем участке лохов окучивают! – словно бы возразил Сева Голованов. – А, Демидыч? Вообще говоря, район-то нам уже известный. Почему бы не покататься?

– Я чего думаю... – степенно сказал Демидыч – Володя Демидов, – эта наша дамочка когда нарвалась? Утром ехала, к прилету, так?

– Да самолеты целый день прилетают-улетают, это не показатель, – заметил Щербак.

– Ну-ну, – поторопил Турецкий, – идеи давайте, идеи! Или их нет?

– А с ними всегда непросто, – вклинился Филя, – или, как ты, Сан Борисыч, изволил заметить, их нет, или же наоборот. Так у меня, как говорят одесситы, их есть. Поедем тремя машинами...

– Извини, Филипп, – жестом остановил Агеева Турецкий. – Денис, у тебя, я имею в виду – в вашей конюшне, нету какого-нибудь представительского авто? Ну чтобы с помпой, понимаешь? Чтоб нельзя было не клюнуть? Я бы, пожалуй, сел за руль и тоже... Но с жесткой гарантией, что обойдется без единой царапины. Разве что бампером чиркану. А то у моей «десятки» колер, как говорится, не тот. Мелковата «Лада» для серьезных денег. Водила покажется несолидным, а с пустым карманом им возиться какой толк?

– Ты в корне не прав, Сан Борисыч, – снова возразил Филя. – «Десятка» сейчас высоко котируется, но главным образом у угонщиков. В другом соль. Ты выглядишь усталым чиновником, извини за такую оценку, но против правды не поперешь...

И все сразу заулыбались, захихикали, тонко ухватив прозрачный намек Филя. Ну конечно, а чем же им было еще и заниматься и что все утро обсуждать, как не вчерашний демарш Турецкого, умыкнувшего в прямом смысле от них дамочку, которая, вопреки всем ее уверениям, совсем была не похожа на так уж сильно пострадавшую от злых насильников. Время-то ведь, известно, не только лечит, но и напоминает кое о чем...

– Черти вы, – хмыкнул Александр Борисович, без труда уловив суть подначки. – Охальники, прохвосты и эти... бражники. Вот ужо воздастся!

– Ох, скорей бы! – мечтательно вздохнув, закатил глаза Филя, вызвав новый приступ смеха. И когда успокоились, он продолжил: – Денис Андреич, а ваш дядь Саня, между прочим, абсолютно прав. Выдайте нам общественный серебристый «лексус». Или жаба давит? По делу ведь. Любой клюнет. Я бы – точно! У него ж клыки – дай бог каждому! И ничего с ним не случится, ежели в опытных руках... в моих, к примеру.

– Это почему же сразу – в твоих? – напыжился Турецкий.

– А вы мне не дали договорить, ржачку устроили. Но дело-то в чем? Тебе, Сан Борисыч, садиться за руль нет нужды. Даже, я бы сказал, противопоказано. Ну стукнешь ты того «мерина» легонько, а дальше что? Выйдешь базар разводить? Да тебя же любой братан вмиг вычислит, сам еще извинится и «зеленую» купюру сунет, чтоб ты не обижался на его нерасторопность. Не, тебе никак нельзя.

– Так чего, ты сам, что ли, хочешь? А где фактура? Где важность большой персоны?

– Вы не смотрите, Александр Борисович, – засмеялся Голованов, – что Филя у нас маленький, он как тот петушок – ого-го! А мы его в шубу Демидыча облачим – до самого пола. Вот бы девку еще? – он задумался.

Но тут нашелся Демидыч.

– У меня здесь куртка меховая, так она Филиппу будет как та самая шуба. А про девку вот чего мыслю. Надо не на стороне искать, а своих...

На него посмотрели как на ненормального.

– Я, к примеру, про что? Пока Филипп станет с братвой разбираться, девку могут успеть обидеть. Вот я и предлагаю одеть бабой Щербака...

Предложение потонуло в сплошном реве! А Щербак хотел даже обидеться. Но Филя крепко хлопнул его по плечу:

– А ведь точно, ребята! Коля, мы тебе хороший грим наложим. Там это паричок наденешь, то, се, во будет! – показал он большой палец. – Ну худенькая, зато длинненькая. А может, лично мне как раз такие и нравятся! Нам же с тобой чего надо? Чтоб качки клюнули! А как им не клюнуть, когда они увидят меня, да под легким кайфом, да еще рядом с такой красоткой? А я еще малость повиляю на полосе, подкину им: внимание, лох на дороге! Потом вылезу, побазарю, может, соглашусь даже и на сервис съездить. Ну а там уж как-нибудь разберемся, я думаю. И остальные подвалят. Вот и сыграем партию в кегли, а? Кто против? Я лично – за!

– Осталась самая малость, – сказал Щербак. – Андреич, придется в самом деле рискнуть «лексусом».

– Да куда ж от вас денешься? – расстроено шмыгнул носом Денис. – Но только учтите! Любой ремонт оплачивается из общего гонорара. Так что и не надейтесь! Действуйте сами, дядь Саня у вас, как всегда, старший. Во всех незаконных операциях. А я остаюсь на месте. Для общего контроля.

– Мы обязуемся вести себя прилично, начальник! И ничего не нарушать! – за всех отпартовал Филя и кивнул Щербaku: – Пошли, буду из тебя кра-а-асивую телку делать!

И под общий смех они удалились в помещение, где хранилось все необходимое для проведения операций – разнообразная одежда, гримерные принадлежности и прочие аксессуары шпионской деятельности, включая спецтехнику. Которая сегодня тоже должна быть задействована, что называется, в полном объеме.

2

Выехали тремя машинами – «Лада»-«десятка» Турецкого, «девятка» с Головановым и Демидовым и отливающий чистым серебром «лексус», представлявший нечто среднее между джипом и универсалом. В салоне последнего, рядом с необычайно гордым своей ролью Филей, облаченным в просторную куртку и с собольей шапкой на голове, восседала «красотка», кидавшая кокетливые взгляды, от которых пассажиры «девятки» давились со смеху. Но за постом ГАИ на Рублевском шоссе, при выезде на кольцо, остановились, чтобы прекратить балаган и окончательно распределить роли, точнее, места в общей облаве. А также последовательность действий.

Нельзя было, конечно, рассчитывать на то, что они вот так, с ходу, «поймают» лихих подставлял, которые действуют, конечно, в высшей степени профессионально. Значит, и вести себя на дороге надо максимально естественно. Идешь в крайнем левом ряду, сзади сигналият – отойди вправо, пропусти торопящегося. Но не забывай при этом и об опасности. А пуще всего успевай наблюдать за теми, кто рядом, – справа и немного сзади. Нужны темно-зеленый джип «гранд-чероки», который будет требовать, чтоб его срочно пропустили, и черный «мерин» класса С, готовый ловко подставить самодовольному лоху из «лексуса» свой левый бок. Отчего у него должны быть «заметно потерты» именно левые крылья.

Словом, расставили все необходимые точки и тронулись. «Лексус» шел первым, в крайнем левом ряду. За ним, оставляя впереди две-три машины, в том же ряду двигалась «десятка». А «девятка» перестраивалась на ходу, но тоже не особенно отставала. Смело подрезая некоторых, особенно невежливых на дороге водителей. И тем приходилось поневоле успокаиваться.

Со стороны это выглядело так, как если бы «девятке» требовалось установить на трассе порядок и послушание.

Прошли до Ленинградского шоссе, там развернулись при въезде в Химки и отправились обратно, теперь по внешней стороне кольца. И снова ничего, пустышка. Гонять целый день было, конечно, делом непыльным, но – глупым. После пустой уже четвертой ходки, во время каждой из которых приходилось менять свою диспозицию, решили сделать последнюю, до Ленинградки, и если опять не повезет, то вернуться сюда вечером, точнее, ближе к сумеркам. И, как всегда, когда уже утомляешься от однообразности движения и устаешь надеяться, вот тут она и появляется – удача, будь она проклята. . .

Сначала Турецкий обнаружил темно-зеленый джип с номерным знаком, который был записан в сувенирном блокнотике, прикрепленном возле лобового стекла. И сейчас же Александр Борисович передал по телефону:

– Меня прогоняет наш «чероки». Всем внимание.

Спустя полминуты он услышал голос Голованова:

– Вижу «мерина». Борисыч, я тебя страхую, сходи спокойно, он сзади. Переходим на вторую полосу.

Пока производили перегруппировку, мимо Турецкого, мигая зажженными фарами и громко сигналив, промчался темно-зеленый джип. Между ним и Филей оставались еще три машины, которые ну никак не обращали внимания на крутого нахала. И тот выходил из себя и так «орал», будто вез по меньшей мере премьер-министра российского правительства. А черный «мерседес»-универсал неспешно подбирался к будущей жертве, ничего не нарушая и не требуя. Ему уступил дорогу Голованов, затем снова вернулся в крайний левый ряд Турецкий, освобождая соседнюю, третью полосу «мерину», номер которого был записан на том же листке.

– Оттягиваемся назад? – спросил Голованов.

– Ага, вот они, голубчики, – сказал наконец и Филя. Но следом ворвался негромкий, но четкий голос Щербака:

– Приготовьтесь, джип нажимает, сейчас сползет на крыло «черного».

Но неожиданно получилось так, что уходящий вправо «лексус» невольно согнал на вторую полосу какой-то замызганный «жигуленок», заслонивший его тем самым от «черного», и «мерседес», избегая теперь столкновения с этим «жигулем», важно пропылил мимо, а затем, добавив скорости, быстро ушел вслед за джипом.

– Не понял, – сказал Филя. – Присматриваются, что ли? Выбирают?

– Борисыч, уходи вправо, – сказал Голованов, – ты долго перед его носом маячил, мог запомнить. А ты, Филипп, приготовься, они наверняка где-нибудь впереди прижались к бортику и ждут. Красиво смотришься, блин! Как там твоя девушка? Ау!

– А на девушку, – ответил грубым голосом Щербак, – водила из джипа аж пасть ощерил. . . Ох, ребята-ы, кажется, пробудил он во мне страсть! Ну, падла, держись!

– Вон они, – быстро заговорил Филя, – справа, у поймы. Значит, будут действовать перед Спасским мостом. Там за ним съезд на Волоколамку. Не промахнитесь, а то уедете хрен знает куда. Лучше прижмитесь к обочине, а потом догоняйте. Мы-то от вас не убежим. Конец связи.

Перешедшие на крайнюю правую полосу кольцевой дороги Турецкий и Голованов с Демидовым посмотрели, как метрах в пятидесяти впереди резво взяли с места джип с «меринном» и пошли на левую сторону, догоняя Филю с Щербаком.

– Ну все, клюнули-таки, – сказал Демидыч, выходя из машины навстречу Турецкому, остановившемуся сзади. – Подождем да подыдем? Пусть завяжутся. Опять же и дэпээска подбежать еще должна. . . – Он достал из футляра, висевшего на груди, сильный армейский бинокль и стал смотреть туда, где начинался подъем к мосту и куда умчался Филя, увлекая за собой подставлял. – Кажись, есть! – сказал наконец и крикнул Севе: – Включай связь, сейчас пойдет

трансляция, – и протянул бинокль Турецкому: – На, Сан Борисыч, посмотри, если хочешь, хорошо видно.

Турецкий поднес бинокль к глазам, достал из салона и вставил в ухо «улитку» от радиоприемника в машине. Он и будет транслировать разговоры-переговоры Фили с бандитами, для чего тот нацепил на себя миниатюрный микрофон, а в каждой из трех машин помимо радиоприемника имелся еще и диктофон, все эти речи записывающий.

– О, блин! – послышался голос Фили. – Надо же так влипнуть!.. – и тише: – А ты чего сидишь? Переживай давай... Руками размахивай, меня матери, или чего там... – Да иду, иду! – почти закричал он.

Хлопнула дверь.

– Ну глянь, мужик, что ж ты творишь? Смотри, новая машина, а ты ее так уделал! Не, мужик, честно говорю, ты налетел...

– Ну виноват, ребята, виноват! – тонко заканючил Филя. – Что делать-то, сейчас вызову инспекцию, какие разговоры? Вопросов нет!.. А с другой стороны, вон взгляни сам, у меня-то ничего нет, а на твоём крыле одна только легкая царапинка. И та не моя! Да чего вы мне тут башку дурите?! Сами же подставились! Идите на хрен, вызываю ГАИ!

– Не суетись, уже вызвали. Нам, мужик, твои капризы, упрямство ни к чему. Пусть приедут посмотрят, потом к оценщикам из страховой компании поедем... Никуда ты от нас не денешься, пока бабки не выложишь, понял, гнида?

– Сам козел! Почему это я должен куда-то ехать с вами? Поедете вы со мной. В мою контору, и там быстренько разберемся! Думаете, на дурачка наехали, да? Ща!

– Ты б, мужик, не базарил, – вмешался второй голос, поглубже – первый-то был молодой и звонкий, с небольшим акцентом, как у кавказского человека, выросшего в Москве, что лишний раз подтверждало: подставлялы те самые. – Ты видишь, мы на тебя не наезжаем, сами хотим миром дело закончить. Но если ты станешь, сука, базарить не по делу, нам ведь проще простого, можем и по-плохому!.. Вон девку твою заберем как заложницу, и пока не отдашь бабки...

– Ага, она тебя у нас подождет, – снова вклинился молодой. – Поедешь с нами, красавица?.. Поедет, куда, бля, денется... А вот и ментовка прикатила... Ну что, уважаемые, делать-то будем? Вот глядите, как этот хмырь нашу машину уделал...

Турецкий видел в бинокль, что из бело-синих милицейских «Жигулей» с мигалкой на крыше выбрались двое крупных милиционеров и, присев на корточки возле «поврежденного» черного автомобиля, начали пальцами щупать вмятину, или что там такое было, отсюда не видно.

Тихий голос Щербака сказал:

– Только не подъезжайте. Они тут театр показывают. Номер «Жигулей», – торопливо продиктовал он цифры, добавив: – Лейтенант и старлей. У младшего «калаш». Похожи на настоящих. Терпите. Потом посмотрите видеосъемку.

И тут прорезался голос милиционера:

– Да, гражданин, залетел ты, однако. Смотри, что наделал! Я тебе, как специалист, честно скажу: дорого ремонт обойдется. Ну давайте, пока протокол будем составлять... потом оценку надо произвести...

– Да у нас есть недалеко хороший автосервис, как раз по иномаркам, – сказал грубый голос. – Возле Ленинградского шоссе, как повернешь на Куркино.

– А, знаю, – солидно согласился милиционер. – Только какая нужда гнать-то туда? Вон, десять минут по Волоколамке – тоже отличный сервис. И посмотрят, и починят, и оценят! – он рассмеялся. – Все, как говорится, тридцать три удовольствия... Ну так чего будете решать? Канитель станем заводить или между собой разберетесь?

– Да я ... – неуверенно сказал Филя, – я бы миром... А на сколько тут ремонту? Только без балды!

– Лично я бы вас, гражданин... Предъявите-ка ваши права... Так... так... так... Значит, гражданин Агеев, Филипп, стало быть, Кузьмич... очень хорошо. Ага, а машинка-то не числится ли в угоне? Замутенков! Ну-ка возьми документы и быстренько пробей у нас это транспортное средство!

– Да вы что, товарищ капитан?! – возмутился Филя.

– А вы не придуривайтесь! И не выступайте, гражданин! – уже зло оборвал его милиционер. – Проверим, если порядок, поедете рассчитывать, а нет, так машину задержим. До полного выяснения. Это ваша супруга в салоне?

– Нет... – совсем убитым голосом проговорил Филя, воображая, какое в настоящий момент стоит ржание в машинах, где этот репортаж внимательно слушают друзья и коллеги. И по тому, как он кричал, что-то мычал сквозь стиснутые зубы, было ясно, каких невероятных трудов ему стоило самому сдерживаться от хохота. Наконец он с трудом, почти со стоном, выдал: – Это так, одна знакомая...

«Лихо работает!» – подумал Турецкий.

– Надо понимать, случайная попутчица? – не отставал милиционер. И деловым тоном продолжил: – Ну что ж, надо на всякий случай и у нее проверить документы...

Турецкий разглядел, как милиционер направился к правой дверце «лексуса», но его почти ухватил за рукав куртки Филя и взволнованно зачастил:

– Командир, ну чего ты? Какие документы? Откуда у нее с собой документы, сам подумай! Может, не будем, а? Свои же люди, стольником не побрезгуешь?

– Ох, мужик, – с откровенным уже презрением протянул милиционер, – поди, женатый, детишек наделал, а сам... с какой-то курвой, прости господи... Ладно, за две сотни разодемся, я ж не один... Ну чего там у тебя, Замутенков? Замазанная?

– Никак нет, все выходит по делу, все чисто. – и лейтенант вернул своему старшему документы Филя.

– Ага, а сам-то где пашешь?

– Я-то? А, в смысле... Понятно, командир, замом генерального на фирме «Миком», ну колбасы всякие там, сосиски и прочее. Бывший Микояновский. Не слыхал, что ль?

– И ты там работаешь?! – словно бы удивился милиционер.

– Ну не главный... в замах.

– Так чего ты мне тут дурочку валяешь? Отдай мужикам деньги за ремонт и отваливай со своей... этой! Вон два километра сервис, пусть оценят, и расходите миром. Мой тебе совет... э-э, Филипп Кузьмич, не ссорься с этими мужиками. Ты посмотри на них. Кто – ты, а кто – они? Они ж тебя вместе с этой... ишь лыбятся, ну бабы, все одним миром мазаны... мужик налетел, а ей хиханьки... Я к чему? Ну потянешь ты день-другой, а дальше чего? Ведь не оставят в покое. Так что давай, Филипп Кузьмич, думай скорей. И на сервис не опоздайте. Он... ага, через полчаса закроется, будете потом искать. А про тот, что они называли, я знаю, бандитский он. Такого тебе насчитают! Тут придраться не к чему. А в Опалихе – все путем, это я тебе говорю. Вот так. Ну так я поехал? Или будем с протоколом возиться?.. Проезжайте, проезжайте! – закричал притормаживающим машинам и замахал жезлом. – Нечего останавливаться!.. А ты место выбрал, скажу тебе... Ну?

– Да ладно, поеду с ними. Недалеко, говоришь?

– Опалиха, два шага... Значит, так. Попрошу подойти пострадавшего!.. Виновник ДТП согласен оплатить расходы за ремонт. Вот держите пока его документы у себя, чтоб снова конфликта не было. А как договоритесь, вернете ему в целостности и сохранности. Проверю! Езжайте вон туда, в Опалиху, а я позвоню, чтоб там не расходились. Произведете оценку и... все осталь-

ное меня уже не касается. Но чтоб был порядок, номера ваших автотранспортных средств я записываю. И если вот он, Федор Кузь...

– Филипп, извините, – поправил Филя.

– Ну да, так чтоб полный порядок был и жалоб не поступало! Я сейчас остановлю движение, съезжайте направо.

– Едем за ними, – сказал, садясь в машину, Филя. – Я и моя красавица. А менты вроде приличные ребята, а гляди, какая погань, просто поразительно! Не пары столбиков жалко, а разочаровали. Догоняйте...

3

Они торопились. Было очень важно, чтобы толстячок оценщик не сразу узнал гостей. А когда бы узнал, было бы уже поздно.

– Филя, – сказал Турецкий, – ты там сразу-то не сильно выступай. А Коля пусть ведет свою киносъемку. И не вылезит. Хотя его-то в этом виде вряд ли узнают.

– Ясно, начальник... Они впереди, не торопятся. А в салоне, между прочим, двое, а не трое. Может, третий был в джипе?

– Разберемся, – сказал Сева, – они сами скажут... Александр Борисович, ждем установку. Миром дело не кончится, как того хотел продажный мент. Так где будем разговаривать? Там же, в будке? Или с собой возьмем? В багажниках места достаточно. Наверняка ведь домой к ним ехать придется?

– Вячеслав Иванович настойчиво просил обойтись без уголовщины. Тем более что и никакой санкции у меня нет.

– Вас понял, господин начальник, – засмеялся Филя. – Но если они станут девушку мою обижать, мы с ней, ей-богу, не выдержим, так и знайте! Да, дорогая?

– Сейчас ты у меня сам схлопочешь, – сухо пообещал Щербак. – Ну а мне когда в натуральном виде выступать?

– Не в натуральном, а в естественном, – тоже смеясь, поправил Николая Голованов. – Как свистнем, так сразу, понял? Филипп, думаю, очень неплохо, если бы ты, вместе с ними и оценщиком, прошел все-таки в будку. Тут и мы, понимаешь, сможем неожиданно присоединиться. Им же там и развернуться будет негде. Ну самое то, что доктор прописал, сечешь?

– А вот это уже конкретно! – обрадовался Филя. – Бу сделано! Жаль, босс не увидит, как храбро, спина к спине, сражались его верные солдаты!..

– А вы, Александр Борисович, – пробубнил вдруг Демидыч, – с нами туда не заходите. Во-первых, действительно очень тесно, а во-вторых, мы будем работать быстро и профессионально, и вам незачем смотреть на наши приемы, так, Сева?

– Вова, как всегда, прав. Мы лучше позовем.

Все переговоры на этом и закончились. Турецкий еще подумал и согласился, что в тесном помещении он только помешает ребятам. Зато позже, когда появится «строгий начальник», бандитам ничего не останется, как живо поднять лапки. Поскольку первую стадию знакомства они уже успеют оценить правильно... Да и знать не будут, кто на них наехал. Кто ж поверит, что какой-то сосисочник мог так их всех уделать?! Вот и пусть живут потом крутые орешки болезненными своими воспоминаниями...

Теперь и сами не торопились – надо же было дать возможность и оценщику проявить свои способности. Если у него все в порядке с организмом – после крепких объятий Колюни.

Радиотрансляция продолжалась, но особого интереса она не представляла, просто шла запись на диктофоны. И разговоры были спокойные, больше профессиональные – что нынче почем на сервисах для дорогих иномарок? Оценщик, за которым, видно, по пятам двигался Филя, что-то там калькулировал, бормотал. На своего клиента он не обращал никакого внима-

ния. Опять же и «мерседес» был ему давно знаком, ничего придумывать не надо. Вот крыло, другое, а тут задета задняя дверца. Значит, хозяин предпочтет менять, а не выправлять кия-ночкой. Одно получается к одному, и сумма сама по себе вырастает... А вот и примерный счетец – десять тысяч баксов, ну очень знакомое число.

И тут «клиент» запротестовал. Жадность, понятно, одолела «благополучного колбасника».

– Ты чего тут насчитал?! – тонко завопил Филя. – Ты еще вставь дырку от сигареты в салоне! Я его где ткнул? Вон, в крыло! А ты мне тут всю боковину лепишь!

Оценщик не возражал. Он позвал:

– Господа, клиент не согласен с моими подсчетами, может, сами будете снова пересчитывать и договариваться?

– Ну раз не согласен, давай пересчитаем. Чего зря спорить? У тебя еще калькулятор есть? Список повреждений составил? Пойдем в помещение, там и договоримся. Владимир Яковлевич, вы не возражаете? – мягко спросил молодой. Его подельник, видимо, кивнул. – И вы... Филипп Кузьмич! Дама ваша пусть еще немного посидит в машине...

– Вперед, ребята! – крикнул в микрофон Турецкий и отключил радио, чтобы не отвлекаться. И даже пожалел, правда, самую малость, что Эмма не увидит той красоты, которую сейчас продемонстрируют сотрудники агентства «Глория»...

Они одновременно ворвались во двор сервиса и обнаружили, что машина Филя пуста, Щербак в ней не было. Голованов ударом ноги распахнул дверь в бытовку и остановился на пороге. Потом махнул рукой остальным. Турецкий с Демидовым подошли ближе и... в буквальном смысле замерли в изумлении.

Один из бандитов и оценщик лежали на полу ничком, а между ними, упершись кулаками в широко расставленные колени, верхом на табуретке, как на коне, сидел Щербак – без роскошного белокурого парика и меховой накидки на плечах, но зато в платье до пола. Картинка была та еще! Второй братан, помоложе, лежал на животе поперек короткого конторского стола. Его голова, с залепленным скотчем ртом, и руки свешивались по одну сторону стола, а ноги – по другую. Над ним стоял Филипп и равномерными ударами ладони по задку методично вколачивал каждое сказанное слово. И от каждого такого шлепка, вроде детского «а-та-та», тело лежащего дергалось, будто его било током.

– Не! Обижай! Девушек! Гаденыш! Маленький! А! Туда же!.. Не будешь? – спросил, остановив руку в замахе. Парень затряс головой и промычал что-то. – Не! Слышу! – добавил еще дважды Филя и обернулся к вошедшим.

– Зря вы пропустили самое интересное, – заметил Щербак. – Этот подонок Сига, – он кивком показал на дергающегося бандита, – замыслил надругаться над честной девушкой. Вытащил ее, понимаете, очень грубо из машины и затолкнул сюда. А когда ее кавалер попробовал возмутиться, они ему объяснили, правда успели только на словах, кто он такой, кто я такая и чем они сейчас тут с нами займутся. Бедные ребятки, жалко-то их теперь как! Особенно вот этого юношу...

– Не, вы не думайте чего, – покачал головой Филипп, – они первые начали...

– Салаги, – сплюнул Щербак, – даже махалками дергать не научились, а туда же!

– Поиграли, и будет, – сказал Голованов. – Узнали чего?

– Да вот только хотели приступить, а тут – вы. Можем поспрашивать и вместе, кто мешает? Сейчас мы его усадим, голубя. – Филипп поднял двумя руками Сигу, словно куклу, и резко опустил задом на стул. Обеими ладонями сильно похлопал по щекам и вылил ему на голову графин с желтой водой, стоявший на подоконнике. – Можешь больше не придуриваться... Если б я тебя просто задел, но по-настоящему, ты был бы сейчас, как твой напарник, в полной отключке, понял? Если не желаешь как он и хочешь еще за девками побегать, отвечай на вопросы. А то смотри... Видишь дядю? – Агеев указал на Демидова, перекрывшего плечами

входной проем. – Так вот, он у нас умеет одним движением холостить любую скотину. Раз – и девки больше не нужны.

Филипп просто намекнул на один давний случай, когда в руки Демидычу попал известный в свое время «законник», изнасиловавший несовершеннолетнюю девчонку. Слоном того звали. И где он сейчас? Может, и жив... Но рассказывать историю Слона Филипп не собирался, Сига и так все понял. И снова замычал, задергал головой, видимо, показывая, что готов отвечать на вопросы проклятого «колбасника» и его страшной подружки. А ведь он, кажется, до сих пор не усек половой принадлежности этой девицы.

– Ну с ними понятно, а оценщика зачем приложили? – спросил Демидов.

– А мы его вообще не трогали, просто отпихнули в сторону, чтоб под ногами не мешался, – возразил Щербак. – Может, он от страха уделался? Эй, козел! – он пнул оценщика ногой, и тот жалобно заныл, как умирающий. Николай добавил еще разок и крикнул: – Если сейчас же не встанешь, урою!

И тот как-то сразу собрался, привстал на карачки и хотел было по-собачьи улизнуть на улицу, но его за шиворот перехватил и вытянул вверх Демидов.

– Что, уже не узнаешь? – мрачно засмеялся он, и оценщик вдруг словно тряпка обвис в его руке. – Что ж ты своих-то не предупредил, что они занимаются поганым делом? Видишь теперь, как нехорошо получилось. Сиди тут и не рыпайся! – Демидов отшвырнул его от себя, оценщик снова растянулся на полу.

А Филя тем временем привел-таки в чувство Сигу, сорвал со рта скотч. И тот открыл глаза и вполне осмысленно оглядел собравшуюся в тесном помещении компанию.

– Тебя ведь Мурманом зовут? Мурман Нугзарович, да? Только это надо еще заслужить, чтоб по отчеству. А ты обычный Мурик, вот и отвечай, хмурик-жмурик, кто у вас тут фотографирует тех, кого вы насилуете? Ты, Паленый, Хомут или этот жирный хрен? Кто, отвечай быстро! Иначе... сейчас ему скажу, – показал он на Демидова. А тот поплевал на руки и стал потирать их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.